

Пётр Червинский

**Негативно
оценочные лексемы
языка советской
действительности**

Обозначение лиц

Пётр Червинский

**Негативно оценочные
лексемы языка советской
действительности.
Обозначение лиц**

«Издательские решения»

2015

Червинский П.

Негативно оценочные лексемы языка советской действительности.
Обозначение лиц / П. Червинский — «Издательские решения»,
2015

Словарь содержит довольно развернутую характеристику около 400 единиц, содержащих, помимо обозначения и названия, негативно оценочную доминанту определения человека с позиции вида его несоответствия советской системе.

Содержание

Аннотация	6
Об авторе	7
Предисловие	8
Список сокращений	18
Условные обозначения данного словаря	24
Словари-источники	25
Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности	27
(1)	27
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Негативно оценочные лексемы
языка советской действительности**

Обозначение лиц

Пётр Червинский

© Пётр Червинский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Аннотация

Словарь содержит довольно развернутую характеристику около 400 единиц, содержащих, помимо обозначения и названия, негативно оценочную доминанту определения человека, с позиции вида его несоответствия советской системе. Тех единиц, которые представляют собой явления и оценки в реалиях и мотивах не так далекого, но все же прошлого, а потому забываемого, вытесняемого, а для кого-то и мало или совсем не знакомого. Язык и система, их породившие, будучи отчасти искусственными, довольно своеобразным и специфическим образом оказывались связанными с создаваемой ими реальной, советской, действительностью, понять и представить которую, видимо, все же необходимо для самых разных задач, не в последнюю, если не в первую, очередь, для исследовательских и дидактических. Предлагаемый словарный материал предваряется теоретической частью, смысл которой был в том, чтобы показать механизмы советизированной негативной семантики, в ее категориях и парадигмах. Книга может быть интересна не только как методологическое и дидактическое пособие, но и как источник все более забываемых и уходящих знаний о том недавнем еще, с исторической перспективы, социальном, психологическом и политическом эксперименте, который воплотил себя в коллективном сознании и действительности, прежде всего, своим языком.

Об авторе

Пётр Червинский (Piotr Czerwiński), профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Силезского университета, специалист в области семасиологии, этносемантики, этимологии, семантического языка фольклорных традиций, автор учебников, словарей, монографий, компьютерных курсов. Имеет более 480 опубликованных научных работ (в Польше, России, Германии, Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, Испании, Румынии, Литве, Белоруссии, Украине, Грузии, Латвии; около 100 из них помещено в Интернете, в международных журналах гуманитарного профиля). Основные (книжные) публикации: «Семантический язык фольклорной традиции», «Семантика слова в системе стихотворного целого (на материале поэзии С. Есенина и Д. Кедрина)», «Ступени Храма. Этапы этнического сознания. Эскиз модели Священной еврейской истории» (серия из пяти книг), «Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации», «Наречие. Дидактический словарь», «Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики», «Семантико-операциональный язык для диалога с машиной», «Словари толкования сновидений. Заметки к строению интерпретативной модели», «Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц», «Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные», «Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц», «Патетизмы советского официоза в аспекте модулятивной семантики»; а также написанные в соавторстве: «Логика курса „Русский язык“», «Русский язык. Введение», «Русское произношение и правописание», «Теория и практика русской речи», «Толковый словарь иностранных слов. Общеупотребительная лексика», «Большой толковый словарь иностранных слов» (в 3-х тт.), «Энциклопедический мир Владимира Даля» (в 6-ти тт.), «Иностранные слова и словосочетания с ними» (в 2-х частях), «Лингвопсихологический учебник здоровья», «Иноязычная лексика русского языка (с методикой дидактической игры и творческих заданий)», «Мой язык и компьютер. Этимологический словарь иноязычной лексики русского языка» (в 2-х частях), «*Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs.*» (серия выпусков), «Наречие. Семантика, правописание, речевое употребление» (в 2-х частях), «Аспекты лингвопсихологической диагностики партнерских отношений», «Язык сознания в его вербальных и невербальных реализациях», «Метафоры русского сексуального EGO: концептуальный подход к описанию лексики и составлению словаря». Научные интересы связаны с этнолингвопсихологическими проблемами языка и сознания: сопоставительная лексикология, словообразование, ономастика, язык политики и средств массовой коммуникации, язык поэзии и художественной литературы, современный речевой узус, развитие речи и интеллекта, прогрессивные методики обучения. Персональный сайт автора: <http://piotr-czerwinski.narod.ru>

Предисловие

Одной из определяющих черт советской идеологии, как известно, было особое отношение к человеку. Отношение как к средству, цели, объекту и материалу проводимых в жизнь социальных идей, называемых, тогда и впоследствии, утопией и экспериментом. Далекими от реальности и осуществления, по мнению одних. Реальными и достижимыми, согласно твердой вере других. Третьи, кто с интересом, кто с опасениями, приглядывались к тому, что получится, что делается и что из этого эксперимента выходит. Теперь, когда путь созидания этой псевдореальности, будем надеяться, пройден и советское время ушло, становится, стало ясно (во многом гораздо раньше, но далеко не многим), что то, что хотели создать идейные и политические создатели, отчасти им удалось. От той части, которая интересовала в первую очередь их самих. Всё остальное должно было им эту часть обеспечить и обустроить, и потому представляло собой то поле социально-психологического переделывания, которое укладывается в идею «формирование нового человека». Человеческий материал, как оказалось, особенно в массе, если за это дело приняться как следует, преобразованию поддается. Режимы (не только советским), базирующимися на общей для всех, а потому и единственной, признаваемой правильной, идеологии, в прошедшем веке, впрочем, как и во всей истории, данное положение удалось доказать. Особенностью советского социально-психологического эксперимента над человеческим естеством следовало бы считать поэтому не столько самоё такую задачу, не столько используемые для этого методы и приемы, не столько даже сам получившийся результат, сколько его историческую (в одно поколение) мгновенность, такую же, в одно поколение, сменяющуюся, переходящую во что-то другое, типологическую нестабильность и, при каком-то неясном, не планировавшемся, единстве, все же какой-то свой специфический, сугубо советский вид и типаж. Точнее было бы определить его галереей типов, поддающихся выявлению и описанию.

Сказанное, представляя собой итог размышлений над выбранным языковым и не только языковым материалом, может вызвать недоумение. Привычно думать, что всем известный советский социологический эксперимент не имел прецедентов – ни в смысле стоявших задач, ни в смысле методов и приемов, и уж тем более не в результате. Своей обнажающей откровенностью, установкой на полное разрушение, уничтожение прежнего во всех возможных его областях, на окончательное-бесповоротное искоренение всего препятствующего во имя нового, поражая умы, одних притягивая этим и завораживая, других отвращая, сам он, этот эксперимент, становился почвой, примером для подражания либо, напротив, отталкивания и неприятия – как беспокоящий, поскольку возможный, опасный либо желательный прецедент. Опасность его и возможность таились в природе податливого на обработку материала – человеческой массы, которую всегда, постоянно, тысячелетиями истории использовали все те, кто имел такую возможность, кто умел и знал, как это делать, и кто, не отказываясь от этого, для себя, своих выгод и целей, это делать хотел. Неожиданность советского прецедента в его отношении к человеку и обществу состояла (если воспользоваться подходящим для данного случая лингвистическим языком) в смене модальностей – модальности объективной на субъективную. С тем, чтобы использовать для своих субъективных, индивидуальных целей не тот объективно имеющийся материал, что есть, как это делалось раньше, а тот, который следовало, переработав, создать, из идейно воображаемой, субъективно желательной и ирреальной формы переведя его в форму объективную и реальную. И этот переработанный, приспособленный для себя, своих целей материал в дальнейшем использовать, по возможности непреходяще и перманентно.

Такое пересоздание, с необходимой для этого сменой модальностей, не могло протекать постепенно, перерастая одно в другое, эволюционируя, развиваясь, накапливаясь, с переходом

количества в качество (если воспользоваться терминологией диалектического материализма). Это было бы невозможно – модальности так не меняются, один полюс не переходит в другой. Их необходимо не эволюционно, а революционно, вторгаясь, вмешиваясь, т. е. насильственно, переставлять. И производиться должно это сразу, в один момент – только что было одно, а вот сейчас уже, на глазах, другое. Сущность советского социологического эксперимента, в этом ключе, таким образом, можно было бы представлять как подобного рода вторжение, смысл которого состоял в перемене имевшихся полюсов реальности.

Перевод воображаемого субъективного в объективное неизбежно предполагал другой, с ним связанный, перевод существующего реального в нереальное и небытие, замену интересовавшего каждого его личного и индивидуального в не интересующее никого коллективное и всеобщее свое-несвое, а тем самым, упразднение индивидуального, замещение единицы массой и растворение единицы в массе, т. е. получение единицы с признаками и свойствами массы внутри себя. Механизм, который также предполагал в своем задуманном осуществлении два полюса, два совершенно различных счета. Один для этой самой массы, для всех, которым отводилась роль образуемых, с навязываемой им субъективностью объективной реальности, коллективностью индивидуального, массовидностью единиц. Другой – для себя, для субъекта-распорядителя, эксперимент весь этот задумавшего и осуществлявшего. С объективностью (для себя) навязанной остальным субъективной реальности, присвоением (индивидуальным) коллективного общего, отчужденного для всех остальных, единичностью и единственностью себя, с обособлением себя из массы, отделением, изоляцией от нее. Простая перестановка общественных полюсов – а сколько следствий для всех, для отдельных и каждого...

Начавшаяся игра с полярной сменой порядков и опиравшаяся в основном на двух механизмах – лишения (упразднения, удаления) и растворения (замещения, перемещения, перемешивания) – не могла быть произведена во всех своих составляющих, т. е. полностью и целиком. Возможно, такая задача перед ней не стояла – субъективно ли и сознательно, объективно ли и подсознательно, что, впрочем, неважно, поскольку суть оказалась не в том. Суть происшедшего перераспределения произвелась путем расщепления существовавшей реальности на ту (объективную), что для всех, которой словами, в идеях и в пропаганде, т. е. в сознании и в языке, приписывался не свойственный ей и никогда не могущий осуществиться (а потому ирреальный и субъективный) вид. И ту достигнутую, но не для всех и потому субъективную, не существовавшую в общем, публичном, сознании и языке. Получившийся парадокс – то, что существовало, в общественном представлении не отражалось, а потому как бы и не существовало для понимания и языка, а то, что навязчиво и последовательно отражалось и объявлялось, в действительности не существовало и не могло в ней существовать, – сей парадокс имел свои следствия. Не называемые в языке фантомы реальности бродили отдельно от совсем других – фантомов, имеющих обозначающие их словесные оболочки, но лишенных своего воплощения в этой реальности. Механизмы лишения и растворения затронули, таким образом, не только сам человеческий материал, но и характер, условия, виды взаимодействия языка, общественного сознания и действительности, приведя к до сих пор до конца не осознанным языковым и ментальностным, семантическим результатам.

Новый общественный формируемый человек, в задачу и смысл объявляемого (вслух, в языке) существования которого входило строительство того, что построить нельзя, но которого следовало в массе ему подобных (не объявляя при этом вслух) для себя использовать, должен был получиться в результате вторгающегося, организующего воздействия на условия его существования (быта и бытия, отторгаемых от него в свою пользу) и на характер, способ его сознания, т. е. знания и мышления – о себе самом, о своей действительности, о таких же, как он, и совсем не таких же, и не своей действительности, разведя все это, расставив по разным, для каждого отведенным и каждому предназначенным, идейно правильным, взвешенным и проверенным полюсам и местам. Задача, в известном смысле, шахматная и арифметическая,

получающая свое воплощение на воображаемом поле-доске и выражающая себя в языковых, лингвистических по природе своей, представлениях и единицах.

Следствием производившихся над умами, действительностью и языком преобразующих операций были некие производные этих самых умов, действительности и языка – из сплава исходного и навязываемого, которые, соединяясь, давали новый, возможно, не запланированный и не предвидевшийся преобразователями, итог-результат. Непросто понять, оценить и исследовать случившиеся итоги этого эксперимента, имевшего к тому же свои этапы и корректировки, но обладавшего при этом цельностью и не менявшегося по своему существу. Возникает также вопрос – а стоит ли? Берeditь фантомы не того реального прошлого, которое было, – это бы еще как-то можно было понять, – а того, им реально не бывшего, воплощенного в языке, от которого, надо бы думать, что отошли, отказались, ушли вперед и почти забыли? Вопрос, имеющий в себе много идей и сторон. Психологических, социальных, исторических, политических, философских. Безусловно, важных, но не о них речь. Речь о том (хотя далеко не просто что-то одно отделить от всего остального), что собой представляет активно вторгающийся в человеческое сознание воздействующий идеологический механизм, осуществляемый и реализуемый в языке. Языке как орудии управления и власти.

Одна из особенностей советского социологического эксперимента (коль скоро речь все же о нем), как первого в последовавшем за этим рядом, состояла в том, чтобы, создавая нужного ей человека, делать это, прежде всего, при помощи языка и внутри языка. В языке и средствами языка такой человек был создан, своеобразно и неоднозначно соотносящийся с реальными социальными типами существовавших советских людей. Желание подчинить социальную и психологическую действительность преобразуемого государством общества в лице принявших за это дело вождей всегда было важной, ведущей, если не первоочередной, задачей, на разных этапах советской истории приобретая различную силу и напряжение. Но одно дело желать, а другое – что получалось. Язык властей, официальный язык, язык пропаганды отражал, создавал, воплощал один, продуцируемый, субъективно-модальный, реальностный вид. Язык другой, не бывший пропагандистским и официальным, воплощал и передавал другой, свой собственный, каким-то неуловимым образом соотносимый с официальным. Языки эти взаимодействовали, будучи в общем пространстве и социальном времени, порождая различные ниши и сферы, как два встречающиеся потока, смешиваясь и не смешиваясь в принятии и неприятии своем, в каждой такой какой-то сфере и нише, в разное социальное время, откладывая еще какие-то воображения и представления о советской действительности и ее человеке.

Все это давало бы лишний повод к этим проблемам и с языковой стороны подойти. Как в осколках разбившегося зеркала, если собрать, отразится нечто совместное, целостное, рассыпанное по частям, так через эти языковые сферы и ниши двух основных потоков советского языка – официального и неофициального, а не только в них и исключительно через них, можно бы получить какой-то, в меру свою более или менее целостный, вид. Вид представления о человеке – каким он мог быть, кому-то хотелось или каким он в действительном общественном воображении был. Потому что из этого воображаемого действительного вырастает потом уже не воображаемое, а реально действительное, хотя также, от части своей, отражаемое в языке, постижение которого составляет задачу как философскую, так и известным образом дидактическую, при освоении чужой и своей культуры, чужой и своей истории, чужого и своего языка. Соотношение воображаемого и действительного, важное для понимания национальной культуры, сознания и языка, далеко не всегда достижимо и удается, скорее интуитивно и чувственно воспринимаясь теми, кто к этому обращается и над этим задумывается. На примере идеологизированного языка советской действительности, в контексте недавней истории, в ставшем общественным достоянием различении реального, бывшего, происшедшего, с одной стороны, и того, как и что представлялось в языке эпохи, с другой, – такое соотношение может

стать понятным и объяснимым. И приобрести, таким образом, не только свой познавательный, но и методологический смысл.

Автор далек от мысли противопоставлять два характерных для советского времени языка (по крайней мере, два), рассматривая их как противоборствующие и взаимно себя отрицающие, своего рода структуру и антиструктуру. Отношения между ними нет оснований определять как полярные и враждебные. Взаимодействуя, они отражались один в другом, давая разные, но далеко не всегда противоположно заряженные эффекты, часто используя средства того другого, но в ином смысловом и оценочном оформлении и ключе. Воздействующий характер пропагандистского официоза менялся на что-то совсем иное, если производимое на его основе высказывание обращалось не к массам и публике, а к кому-нибудь из своих или в своем кругу, приобретая характер не всегда очевидной и в разной степени уловимой иронии или какой-то еще оценки. Менялся характер изначально нейтральных или иначе окрашенных и общеупотребительных слов в зависимости от того, кем и в каких условиях, не говоря о том, в каком языке, точнее было бы сказать, в какой коммуникативной и узуальной сфере, акт речи происходил. Изменения эти, требовавшие от говорящего большого внимания и напряжения, поскольку их несоблюдение могло быть рассмотрено не только как коммуникативная и стилистическая, но и как идейная и политическая ошибка, не следовало бы рассматривать как своеобразную мимирию, особую гибкость и приспособляемость используемых для различных целей общеупотребительных слов. И из этого делать выводы о какой-то их исключительной, советскими обстоятельствами обусловленной, подвижно преобразуемой природе. Слова советского языка, во всех возможных его проявлениях, – это те же, за небольшим исключением, слова русского языка, которые вне советских особенностей, тем и контекстов употреблялись и продолжают употребляться всеми, на нем говорящими, в привычных своих коммуникативных целях и функциях. Природа слов не менялась от этого их специфического использования и не изменилась впоследствии, после него.

Что же тогда можно было бы определять как такую их, советского языка, специфику? Не вдаваясь в серьезные рассуждения и подробности, безусловно заслуживающие своего основательного, а поэтому и особого, рассмотрения, специфику эту, скажем так, советского употребления, советской проекции, аппликации русского языка можно представить в трех расслоениях. Первое составляет язык. Русский язык, его материал – лексический, словообразовательный, синтаксический, а также коммуникативно и композиционно текстовый, в том отношении, в котором владение языком предполагает создание и восприятие (адекватное понимание) определенных, в данном случае советских, текстов. Второе следовало бы отнести к характерным для советской действительности ситуациям и контекстам, определяющим фон социальных знаний, общих для всех внутри нее находящихся и регулируемых новыми, возникающими, либо, напротив, уходящими и исчезающими или только меняющимися в какую-то сторону обстоятельствами. Третье составляет, также меняющаяся своими гранями, сторонами, акцентами в исторических и политических переходах, советская идеология. В двух своих проявлениях. Как то, что внушается, вслух говорится, транслируется, передается средствами массовой информации и пропаганды, в печати и в издаваемых книгах, чему обучают в школах, в вузах, в детском саду. И как то, что другое, но тоже советское, возникающее на базе второго, уже упомянутого, – социальных условий и эмпирических знаний, т. е. того, что есть или искренне кажется, что так есть, и третьего в первой ее составляющей, – официальной идеологии, т. е. того, как надо, как полагается, как считается правильным и как то, что не есть, даже если в это искренне верят и хочется, чтобы так было.

Язык (то первое) проникает и обеспечивает способность быть выраженными, стать объективными, передаваемыми и понятными для носителей двум другим – социальным знаниям и советской идеологии в обеих ее составных частях. Проникая и обеспечивая, сам он пропитывается, начинает вбирать, включать в себя всевозможные стороны социальных знаний

и существующей идеологии. Необходимо лишний раз подчеркнуть, что советской, поскольку другие и самые разные, характерные для советского общества в целом, идеологии в данном случае не могут браться в расчет. Тем самым, русский советский язык (но не русский язык советского времени в целом как таковой) становится все же каким-то другим, каким-то специфическим образом нагруженным и заряженным, по сравнению с тем же русским языком, но не советским, до советским, вне или после. И когда, наконец, наступает это новое состояние после, что же тогда происходит с рассмотренными нами тремя позициями и с самим языком? Понимание этого важно, поскольку могло бы дать представление об искомых его советских, точнее было бы сказать советизированных, своеобразии и специфике. Второе и третье, так или иначе, уходят, социальные знания и идеология общества изменяются, советскими постепенно быть перестают. Язык остается, но переставая собой выражать и обслуживать то, что до этого (помимо прочего) выражал, сворачивая поле предыдущего действия, убирая, если так можно выразиться, свою *советскую* функцию, и освобождаясь в себе от нагрузок, заряженностей и наслоений, которые он в себя перед этим вобрал и которые в новых условиях становятся лишними, не требующимися, а потому избыточными.

Вместе с тем эти нагрузки, заряженности и наслоения как раз и составляют его специфику как советского языка. Увидеть, понять и почувствовать эту специфику можно, лишь восстановив соответствующие условия, в проекции к социальным знаниям советского времени и к советской идеологии. Советский язык без того и другого просто не существует, он прочно связан с ними. Задача подобного представления, помимо своих социальных, идеологических, политических, морально-нравственных, поучительно-воспитательных и т. п. сторон и аспектов, дающих знание и понимание предмета, имеет не только и даже не столько собственно историко-лингвистический или историко-культурологический заряд и смысл, сколько прямо и непосредственно смысл дидактический и языковедческий. Успешное овладение, будь то своим или чужим, языком предполагает знание и понимание не только его ближайшей истории, в чем-то к тому же себя до конца не изжитой (период в одно поколение слишком короткое время для этого), но и типичных условий, тенденций и форм как его изменения, нередко происходящих на наших глазах, но не замечаемых, так и функций, коммуникативных сфер и особенностей речевого употребления. Предлагаемый словарь как раз и рассчитан на то, чтобы представить язык в его употреблении и ближайшем, еще недавнем, развитии. Задачей подобного представления было на примере отобранной группы слов, наглядно, по мере возможности, но без допустимых в подобных случаях схематизаций и обобщения, с тем чтобы дать материал к самостоятельным размышлениям и выводам, показать, проявить в нем то, что уходит, обладает способностью становится историей, уходя в пассив, и что также его, языка, природа, определяющая его способность передавать, выражать – желаемое и действительное, идеи и впечатления, наши знания и условия жизни, тот или этот общественный, исторический, нравственный, оценочный, системоценностный и другой какой-то опыт, вид и контекст. Язык при этом сам по себе не меняется, он остается тем же, только что-то меняется в нем, его регистры и механизмы, связи, позиции, отношения, проявления, переходы, семантика и коннотации его остающихся после этого, хотя и меняющих свои виды и положения, единиц. И все это, составляя его природу, в конечном счете, происходит в нем для того, чтобы, внутренне преобразуясь и перестраиваясь, он мог служить новым целям и новым потребностям человека.

Необходимо было бы объяснить в связи с этим (поскольку снова мы подошли к идее языка и его человека) выбор описываемого в словаре материала и показать, объяснив, особенности такого, а не иного какого-то его представления. Выбор диктовался не объявляемой и намечаемой к последующему исполнению задачей представить фрагмент языковой советской картины мира, вращающийся вокруг идеи советской концепции человека. Но не концепции советского человека, определяемого то как *homo sovietikus*, то как просто *совок*, а в свое время как *простой советский человек* или *настоящий советский*, противопоставляясь другим,

не советским, которые под такое определение не подходили. Все эти три (может, четыре?) его разновидности довольно детально, подробно в обширной литературе по теме представлены и хорошо описаны. Речь в данном случае идет о советской концепции человека, но не той объявляемой, которая себя отразила в советской печати, статьях идеологов и воспитателей, средствах массовой пропаганды, и даже не той, которая выводилась в исследованиях, воспоминаниях, разысканиях, книгах, работах, высказываниях не советской идейной ориентации. Речь о той не объявляемой и ни из прямых высказываний, ни из событий, ни из знания обстоятельств не выводимой концепции, которая была (а может, и продолжает быть) заложена в эксперименте, называемом советской действительностью. О той концепции, которая, может быть, даже и не осознавалась полностью в своем детально реальном и окончательно достижимом виде, во всяком случае не представлялась, ни теми стоявшими у руля, ни теми, кто по их указанию проводил соответствующие кампании, воздействие и политику, но, которая, не осознаваясь, присутствовала где-то и в чем-то подспудно и все это общество куда-то, склоняя, неизменно и неотступно вела. О той концепции, которая себя воплощает невидимо, прежде всего и в основном, в языке – словах советского языка, характерных для него словоупотреблениях, высказываниях по случаю и не по случаю, но в своем, узнаваемо советизированном виде и отпечатке. То есть в том, что, проговариваясь в речи, словах, говорится, но что при этом намеренно не имелось в виду прямо выразить, не намеревалось и даже не подразумевалось сказать.

Первым подходом к такому ее представлению, этой концепции, могло бы быть определение того, что порицается, отвергается, отрицается, исключается, с советской точки зрения и советской позиции, в человеке. То, что оценивается в нем как его негативное, от чего необходимо избавиться и чего не должно и не может быть. Отсюда выбор – негативно оценочные лексемы советского языка, называющие, обозначающие, характеризующие человека. Из отрицания, вследствие удаления, лишения, избавления, возникает некое представление о том, что, если не до конца желательно, все-таки допустимо и разрешается, т. е. что может быть. Задача искусственная, но о естественности процесса никто и не говорит, на то это и эксперимент. То позитивное, положительное, которое желательно, которое предписывается и навязывается, что интересно и показательно, прямо не следует из отрицаемой части. То и другое не соотносимы прямо и непосредственно и далеко не всегда симметричны. И это еще дополнительный повод для рассмотрения негатива и позитива в отдельности.

Негативно оценочные лексемы в предлагаемом словаре представлялись не только в привычных лексикографических дефинициях, дающих определение значений рассматриваемых слов, но и как словоупотребления, с представлением в ряде случаев некоторых влияющих на понимание обстоятельств, с уточнением семантики употребления к условиям и особенностям советской действительности. Такое более развернутое, конкретизируемое и не столько языковое, сколько узуально-речевое, определение семантики слова служило целям лучшего понимания и усвоения материала.

Трудно было бы до конца понять и представить особенности негативной оценки советского языка, равно как и слов, ее выражающих, без обращения к основным лексикографическим источникам, причем не только и даже не столько последнего времени, но на ряде этапов. Для этих целей словарные статьи предлагаемого словаря содержат выбранный, по возможности последовательно, обязательный материал из *Толкового словаря русского языка* под ред. Д. Н. Ушакова (1935—1940 гг.), из *Словаря русского языка в четырех томах*, гл. ред. А. П. Евгеньева (1981—1984 гг.) и *Большого толкового словаря русского языка*, гл. ред. С. А. Кузнецов (2000 г.). Словарей, отражающих основные во времени этапы функционирования советского языка – в его формируемой, начальной фазе, отражаемой словарем под ред. Д. Н. Ушакова, в фазе оформленной и завершающей (словарь 1981—1984 гг.) и в его состоянии послесоветской фазы, на том этапе развития, который, наследуя прежний, советский, багаж

языка, иногда возвращает его к досоветскому состоянию, иногда не совсем, оставляя в нем что-то от определяемого как идеологизированное наследия (*Большой толковый словарь*). Цель такого поэтапного представления состояла в том, чтобы показать происходящие во времени изменения (либо их отсутствие), нередко, чтобы не сказать, как правило, не столько в самом языке, сколько в способе принятой интерпретации его единиц, в первых двух фазах намеренно, может быть даже вынужденно, ангажированной, в третьей, уже постсоветской, стремящейся от этого отойти. Насколько удачно, последовательно и основательно, с помощью каких применяемых средств, как именно, по каким путям, может, не происходит, а производится, то, что определяют как деидеологизация лексического состава, – можно представить, если не теоретически, поскольку это потребовало бы анализа и обобщений, то, по крайней мере, практически, из сопоставления дефиниций словарей советского времени с дефинициями словарей последних двух десятилетий. Для более полного и объективного представления семантики слов привлекались, по мере надобности, также другие, помимо названных трех, словари, как общеязыковые, так и не только (см. список источников).

Словарная статья предлагаемого лексикона состоит из заглавного слова, узуально-коммуникативных, эмоционально-оценочных и экспрессивных, помет, описания значений, не столько, как уже говорилось, языковых значений, сколько значений устойчивых словоупотреблений, обусловленных речевой ситуацией, советскими обстоятельствами, а также вкладываемым в них типовым отношением субъекта речи. Дополняют статью словаря

- Краткая информация об образовании и в ряде случаев происхождении слова.

- Производные – слова, более или менее последовательно образуемые и образованные от описываемого, как зафиксированные, так и не зафиксированные в словарях литературного и не только литературного языка. То есть, помимо собственно языковых, речевые и узуальные, коммуникативные и функциональные (редко окказиональные) формы, в основном разговорного языка.

- Слова, в смысловом или понятийно-коннотативном отношении близкие описываемому, некоторые из которых, но их немного, можно было бы определять как синонимичные. Другие, их большинство, представляли бы собой что-то вроде понятийно-смысловой или лексико-семантической группы, каким-то образом организованной внутри себя и представляющей собой в своей общей семантике минимальный набор того, что можно было бы относить (при последующей аналитической обработке) к соответствующему фрагменту, подфрагменту, его детали, части, советской языковой картины мира. Картины мира, связанной с мировоззренческими, идейно-философскими, установочными, воспитательно-дидактическими, морально-нравственными, социальными, политическими, историческими, житейскими, бытовыми, психологическими, производственными, геопространственными, темпоральными и т. п. представлениями, составляющими особенность советской идеологии и советского взгляда на мир. В том числе и для нас в первую очередь – взгляда на человека и отношения к человеку, не только и даже не столько советскому, сколько как таковому. Но человеку не как биологическому, а как социальному виду, точнее сказать единице и элементу советской картины мира, советского отношения, советского действия и воздействия и советского взгляда на мир, действительность, общество, человечество, его настоящее, прошлое и его будущее.

- Дефиниции из других словарей – прежде всего трех названных как обязательных и основных, но также и из других, уточняющих, дополняющих либо дающих то, чего нет в обязательных, в ряде случаев, там, где это необходимо, с примерами, иллюстрациями словоупотреблений в контекстах. Отсутствие информации из основных словарей при словарной статье, там, где это специально не оговаривается, может обозначать либо отсутствие в том или ином, иногда во всех трех словарях самого этого определяемого слова, либо (хотя значительно реже) избыточность его дефиниции, не вносящей ничего нового в то, что было представлено на материале других. Отсутствие информации из необязательных словарей ничего такого не предпо-

лагает, поскольку ее включение имело иной, уточняющий и расширяющий, а не репрезентативный, смысл.

◦ Для ряда слов, далеко не для всех и далеко не всегда последовательно – примеры более или менее устойчивых словосочетаний, редко других синтаксических единиц, с характеризующим словом в составе. Задача подобного представления, в силу своей непоследовательности и неполноты, состояла не в том, чтобы показать типичные случаи устойчивых словоупотреблений (это не было целью предлагаемого словаря), а в том, чтобы отметить, тем самым, наиболее употребительные, активные и типичные лексемные единицы советского языка, имевшего, как и всякий язык, свой актив и пассив, свои ядро и периферию. Однако о различении и изучении того и другого можно было бы говорить в условиях и рамках специально посвященного этим вопросам исследования. В задачу данного словаря подобное не входило, автор не стремился также к тому, чтобы как-то одно и другое последовательно обозначить и выразить, однако для внимательного читателя это разграничение, следующее из представления, на эмпирическом и поверхностно-приблизительном уровне не составит труда. Подсказкой будет само описание. Слова массивно, подробно, разносторонне и многозначно представленные, слова, наиболее иллюстрируемые, имеющие наибольшее число производных и семантически близко связанных форм, определяемые в контексте типично советской оценочности и коннотациях, наконец, в дополнение к сказанному, те, которые, если не прямо, то актуально и по существу определяют ядро советского существования, – такие слова, очевидно, и будут словами ядра и актива. Разнесение того и другого, различение и разграничение ядра советского существования, ядра советской языковой картины мира и ядра, актива лексического состава советского языка, связанных между собой, но не прямо, не непосредственно, не симметрично, – такое распределение требует специальных усилий, исследований прежде всего теоретического, целенаправленного характера и на широком и полном материале, а не одной, отдельно взятой для представления, как в данном случае, оценочно-тематической группы слов.

Ряд словарных статей, однако также скорее репрезентативно, а не последовательно, включает описания значений устойчивых единиц с данным словом как компонентом. Делается это в том случае, если данная единица была устойчива, употребительна и предполагала какой-то, если не полностью собственный, то несколько специфический смысл, не прямо следующий из значения определяемого слова в его сочетании с другими словами состава либо требующий дополнительных объяснений: *авантюрист* и *политический авантюрист*, *враг* и *враг народа*, *нарушитель* и *нарушитель границы*, к примеру.

Поскольку советский язык представлял собой живую, подвижную, изменчивую во времени и социальном пространстве, форму, можно было бы даже сказать материю, употребления языка, задача описывающего в малом фрагменте эту материю словаря, а отсюда его особенности, несколько отличалась от общепринятых и привычных для лингвистических словарей. Коротко эти особенности можно было бы обозначить следующими позициями (отчасти при таком обобщении придется кое-что из ранее сказанного повторить):

1. Статьи словаря не содержат, как правило, если это существенным образом не влияет на употребление данного слова и его смысл, примет грамматического характера. В ряде случаев также субстантивируемые и не всегда субстантивируемые прилагательные, использовавшиеся для обозначения человека, описываются в общем ряду существительных (бывших основой для описания в словаре), без специального обозначения, когда и в каких случаях они используются как субстантивированные. Предполагалось, что для поставленных в словаре задач такое разграничение не настолько важно, чтобы уделять ему специально внимание, а различение будет следовать из описаний и приводимых примеров, цитируемых по другим словарям.

2. Учитывая указанные особенности советского языка, для более адекватного представления пришлось применить ряд помет, не типичных и не общепринятых (наряду с общепринятыми), имеющих отношение к характеристике сферы и формы употребления слова, а также

особенностям его коннотации и оценки. Автор не претендует при этом на точность и основательность в этом вопросе, требующем серьезного и отдельного изучения, видя свою задачу лишь в том, чтобы обозначить, скорее в рабочем порядке, и дать понять, что то или иное словоупотребление следует как-то так, а не иначе, типичным, но, возможно, что далеко не единственным, образом воспринимать. Ряд из этих помет поэтому требует объяснения.

Помета *общеразг.* (общеразговорное) отмечает, что данное слово в его советском употреблении не является специфичным в отношении функциональных и узуальных своих предпочтений. Оно могло использоваться как в официальных средствах массовой информации и пропаганды, так и в речи представителей советского общества, не специально привязываясь к какой-то его социальной группе. Иными словами, помета обозначает что-то вроде лексемы общеупотребительной. Но, поскольку советский язык не был единственной формой общения для советских людей, а был языком особого, специфическим образом, советской идеологией пропитанного, оценочно-речевого словоупотребления, т. е. узуса близкого к разговорности, к стихии подвижного, коммуникативно отмеченного, функционирования (даже в книжно-письменной, оценочно категоричной, экспрессивно усиленной и окрашенной, форме своей), постольку уместнее показалось эту особенность подчеркнуть пометой, специально для этого предназначавшейся.

Пометы *оф.-проп.* (официально-пропагандистское) и *разг.-проп.* (разговорно-пропагандистское) различают не только возможных две сферы употребления – в книжно-письменном, публично-ораторском и прокламационном либо обиходно-разговорном и более непосредственном варианте (если понятие непосредственности применимо, но, видимо, применимо, во всяком случае к языку агитации и пропаганды), – но и характер, точнее регистр, тон, коннотации и оценки. Приподнято-обличающий, скажем так, наряду с какими-то также другими, но верхнего, не нижнего тона, и откровенный, прямой, заниженный, возможно резкий и грубый, тяготеющий к просторечности, разговорности.

Особого внимания требуют еще две пометы – *разг.-спец.* (разговорно-специальное) и *разг.-сред.* (разговорно-средовое). Первая отмечает предпочтительное употребление данного слова в какой-то сфере – производственной, партийно-бюрократической либо какой-то иной, представление о которой легко выводится из описания его значения (или значений). Вторая помета обозначает, что предпочтительно либо единственно и в основном данное слово употреблялось в какой-то среде – интеллигентской, студенческой, диссидентской (?), каких-то компаний и неформальных групп. Уточнение, какой из них именно и одной ли из них, не всегда можно было бы получить из предлагаемого описания. Разработка сложного социолингвистического вопроса коммуникативно-средового распределения (пересекающегося и взаимодействующего) никак не могло входить в число разрешаемых нами задач, оставляя все это общему представлению и языковому чутью.

Остальные используемые пометы можно было бы отнести к разряду привычных и общепринятых или прозрачных в своем значении, а тем самым, не требующих дополнительных пояснений. Особый разряд составляют пометы цитируемых источников, не подвергавшихся унификации и сохраненных в их изначальном виде. Из чего следовали в ряде случаев вариативность (*прост.*, *простореч.* или *презр.*, *презрит.*; *ист.*, *истор.*), разность при обозначении общего (*прост.*, *простореч.* и *разг.-сниж.*, *разг.-прост.*) либо омонимия (*посл.* – последний, пословица; *гл.* – глава и глагол; *лит.* – литовский язык и литературный, литература), снять которые автор не посчитал необходимым, поскольку изменение в цитатах искажали бы вид и идею цитируемых источников, в то время как указанные отклонения никак не мешают адекватному пониманию, к вариативности и разнообразию можно легко привыкнуть, в этом есть даже свой аромат, а омонимия снимается в минимальном контексте.

3. Дефиниции, как уже говорилось, в значительном ряде случаев имея довольно развернутый вид, предполагали дать представление об условиях и ситуациях, иногда о времени

и смысловой, идейной и коннотативно-оценочной характеристике и нагрузке возможного употребления слова. В тех случаях, когда такой развернутости не обнаруживается, автору к сказанному не виделось ничего добавить. Представленное описание воспринималось как необходимое и достаточное, а что-нибудь дополнительно объясняющее и характеризующее можно было бы вывести на основе других статей словаря.

4. Создание либо появление в языке определяемой лексемы выводится на основе представленной информации о производящем слове (способ образования при этом, как правило, следует из структуры производящего и производного, если специально не оговаривается) либо слове, заимствуемом из иностранного языка. В тех случаях, когда это имеет смысл для понимания значения слова описываемого, дается определение семантики слова производящего (заимствуемого). Для этих же целей некоторые слова сопровождаются краткой этимологической справкой из соответствующих словарей с указанием источника.

5. Слова производные от данного слова, как уже говорилось, включают в себя единицы не только языковые, но и имевшие (или имеющие) хождение в живом речевом использовании. К ним не следует поэтому относиться как к словам советского или просто русского литературного языка, это, скорее, использованная в речи, в том числе и советского времени (но при этом не как советизм), языковая потенция, реализовавшая себя, таким образом, в употреблении.

6. О словах, даваемых как семантически связанные, уже говорилось. Их задача – представить смысловое и понятийное поле, к которому можно было бы определяемую лексическую единицу, в советском, как правило, употреблении, отнести.

7. Материал других словарей уже также определялся. Необходимо только добавить, что в ряде, довольно редких и ограниченных, случаев там, где нет представления других словарей, словарные статьи такого рода описывают слова, использованными словарями не зафиксированные. Слова подобного типа нередко имеют помету *разг.-сред.* и характеризуются, даже если ее не имеют, как не общепринятые и ограниченные – какой-то сферой, каким-то особенным образом, условиями, ситуацией, речевым, смысловым, предметным контекстом. Подробная характеристика данного типа слов, с их различиями и возможными видами, в связи с тем, что в предлагаемом словаре они были представлены в количестве слишком малом и ограниченном, в частности выбором темы «негативные обозначения человека», не могла входить и не входила в задачу. Попавшие в данный словарь указанные слова следует рассматривать как репрезентативные и выборочные явления, далекие от необходимой подробности и полноты.

8. Примеры устойчивых словосочетаний или других синтаксических единиц (редко когда предложений, если это не поговорки, пословицы или цитаты, имеющие свою «советскую» специфичность и актуальность) также далеки, как уже говорилось, от необходимой подробности и полноты. Их задача – дать представление о бывшем как о возможном, но не единственном, и отметить слова, обладающие большей активностью и частотностью в русском советизированном языке.

И, наконец, в завершение и в пояснение необходимо сказать о включенном в издание разделе *Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности*, написанном с мыслью о будущем словаре и опубликованном в виде статей в журнале «Политическая лингвистика» (3) 23'2007 и 1 (24) «2008. Главный ред. А. П. Чудинов, Екатеринбург. Цель его включения состояла в том, чтобы дать более полное представление о материале, отразить авторский взгляд на рассматриваемые явления.

9 июля 2008 г.

Список сокращений

- авиаци. – авиация
адм.-хоз. – административно-хозяйственная (часть)
АиФ – «Аргументы и факты» (еженедельник)
англ. – английский язык
анс. – англосаксонский язык
биол. – биология
бол. говор. – более говорится
бран. – бранное
букв. – буквально
бывш. – бывший, -ая, -ое
ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) [с 1925 по 1952; с 1918 по 1925 – РКП (б); Российская коммунистическая партия (большевиков); до 1918 г. – РСДРП; после 1952 – КПСС]
вм. – вместо
воен. – военное дело
возм. – возможно
вор. – воровское
вост. — восточное
вост.-слав. – восточнославянские языки
встр. – встречается
вульг. – вульгаризм, вульгарное
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
высок. – высокое
газет. – газетное
герм. – германские языки
гл. – глава
гл., глаг. – глагол
гл. обр. — главным образом
голл. – голландский (язык)
гос. – государственный, -ая, -ое
гот. – готский (язык)
гр., греч. – древнегреческий язык
гражд. – гражданский, -ая, -ое
груб. – грубо, грубое
грубо-оскорбит. – грубо-оскорбительное
губчека – губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
дел. – деловое
доп., дополн. – дополнительно, дополнительный, -ая, -ое
дореволюц. – дореволюционный, -ая, -ое
др. – другой, -ая, -ое
др.-евр. – древнееврейский язык
др.-прусс. – древнепруссский язык
др.-рус., др.-русс. – древнерусский язык
ед., ед. ч. – единственное число
ж. – женский род
жарг. – жаргонное

ж.-д. – железнодорожное дело
загр. – заграничный, -ая, -ое
злобн. – злобное
злобно-неприятн. – злобно-неприятное
знач., зн. – значение
избират. – избирательный, -ая, -ое
изд. – издание

ИКПСС – История Коммунистической партии Советского Союза, изд. 4-е, Москва: Политиздат, 1972.

ипр. – и прочее
ирон. – ироническое
исп. – исполнительный (орган, комитет)
ист., истор. – историзм, история
и.-е. – индоевропейские языки
ит. – итальянский язык
казах. – казахский язык

КГБ – Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР (1954—1992)

книжн. – книжное
комп. – компьютерный жаргон
контрреволюц. – контрреволюционный, -ая, -ое

КПС – Краткий политический словарь. Сост. и общ. ред. Л. А. О니кова и Н. В. Шишлина, Москва: Политиздат, 1980.

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза (1952—1992)

КПСС в рез. – КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 3-х тт. Москва: Политиздат, 1954.

крим. – криминальное
к-рый – который
л. – лицо (грамматическое)
лаг. – лагерное
лат., латин. – латинский язык
лит. – литовский язык;
лит. – литература, литературный, -ая, -ое
лтш. – латышский язык

м. – мужской род
масс. – массовый, -ая, -ое
м. б. – может быть

МВД – Министерство внутренних дел

мед. – медицина
межд. – междометие
местн. – местный, -ая, -ое
мн., мн. ч. – множественное число
мол. – молодежное (молодежный сленг)
мор., морск. – морское дело
м. р. – мужской род

мск. – московское
наз. (так наз.) – так называемый, -ая, -ое
назв. – название
напр. – например

нар. – народное
нар.-разг. – народно-разговорное
нар.-трад. – народно-традиционное
нареч. – наречие
насмешл. – насмешливо, насмешливое
насмешл.-ирон. – насмешливо-ироническое
насмешл.-недовольн. – насмешливо-недовольное
насмешл.-пренебр. – насмешливо-пренебрежительное
насмешл.-снисход. – насмешливо-снисходительное
насторож. – настороженно, настороженное
негодующе-обличит. – негодующе-обличительное
недовольн. – недовольное
нем. – немецкий язык
неодобр., неодобрит. – неодобрительно, неодобрительное
неприятн. – неприятенно, неприятенное
неприятн.-враждебн. – неприятенно-враждебное
неприятн.-ирон. – неприятенно-ироническое
неприятн.-насторож. – неприятенно-настороженное
неприятн.-недовольн. – неприятенно-недовольное
неприятн.-осужд. – неприятенно-осуждающее
неприятн.-предупрежд. – неприятенно-предупреждающее
неприятн.-презр. – неприятенно-презрительное
неприятн.-пренебр. – неприятенно-пренебрежительное
несов. – несовершенный вид
ниж. – нижегородское
ниж-сем. – нижнесеменовское, нижегородское семеновское (?)
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел (1917—1930; 1934—1946)
нов. – новое
новолатин. – новолатинское
нпр. – например
об., обл. – областное
общ.-полит. – общественно-политическое
общеразг. – общеразговорное
обществ. – общественный, -ая, -ое
ОГПУ – Объединенное главное политическое управление СССР (1923—1934)
одобр.-снисходит. – одобрительно-снисходительное
озлобл. – озлобленно, озлобленное
озлобл.-негодующ. – озлобленно-негодующее
окказ. – окказиональное
опр. – определение (грамматическое)
осн. – основной, -ая, -ое
особ. – особенно
осуд. – осудительно
осужд. – осуждающее
отм. – отмечается
относит. – относительно
оф.-делов. – официально-деловое
оф.-прав. – официально-правовое
оф.-проп. – официально-пропагандистское

офиц. – официальное
первонач. – первоначально
перен. – переносно
погов. – поговорка
позднелат. – позднелатинское
полит. – политика, политическое
политэкон. – политэкономия
полн. – полная форма (о прилагательных)
польск. – польский язык
посл. – последний, -ая, -ее
посл. – пословица
почтит. – почтительное
пр. – прочий, -ая, -ее
представл. – представленный, -ая, -ое
презр., презрит. – презрительно, презрительное
преимущ. – преимущественно
пренебр. – пренебрежительно, пренебрежительное
пренебр.-уничиж. – пренебрежительно-уничижительное
прил. – прилагательное
примеч. – примечание
прич. – причастие
происх. – происходит, происхождение
проп. – пропагандистское
прост., простореч. – просторечное
противоп. – противоположно
проф.-разг. — профессионально-разговорное
прош. вр. – прошедшее время
пск. – псковское
ПСС – полное собрание сочинений
публ., публиц. – публицистическое
разг. – разговорное
разг.-неодобр. – разговорно-неодобрительное
разг.-проп. – разговорно-пропагандистское
разг.-прост. – разговорно-просторечное
разг.-сниж. – разговорно-сниженное
разг.-спец. – разговорно-специальное
разг.-сред. – разговорно-средовое
раздраж. – раздраженно
Рев. и яз. – Селищев А. М. Революция и язык. В: Селищев А. М. Избранные труды, Москва: Просвещение, 1968, с. 141—146.
резко-неприятн. – резко-неприятное
резко-осужд. – резко-осуждающее
религ. – религия, религиозный, -ая, ое
ритор. – риторическое
Р. С.-Д. Р. П. (РСДРП) – Российская социал-демократическая рабочая партия (1898—1918)
РСФСР – Российская советская федеративная социалистическая республика
рус. – русский язык
ряз. – рязанское

с., стр. – страница
св. – совершенный (вид)
сев. – северное
сиб. – сибирское
словац. – словацкий язык
см. – смотри
смл. – смоленское
снисходит.-ирон. – снисходительно-ироническое
соб. им. – собственное имя
собир., собирает. – собирательно
собр. соч. – собрание сочинений
собств. – собственно
сов., советск. – советский, -ая, -ое
совр. – современное
соц. – социальный, -ая, ое
социол. – социология
спец. – специальное
Ср. (Азия) – Средняя
ср. – сравни
ср. – средний род
ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий диалект
сскр. – санскрит
ст. – статья
стар. – старинное
страд. – страдательный залог
ст.-сл., старосл. – старославянский язык
суф. – суффикс
сущ. – существительное
с.-хорв. – сербохорватский язык
т. – том
тмб. – тамбовское
т. наз., так наз. – так называемый, -ая, -ое
торг. – торговля, торговое
торж. – торжественное
трад. – традиционное
трад-нар. – традиционно-народное
тюрк. – тюркские языки
угол., уголовн. – уголовное
узб. – узбекский язык
УК – уголовный кодекс
укор. – укоризненно
укр. – украинский язык
уменьш. – уменьшительное
уменьш.-уничиж. – уменьшительно-уничижительное
уничиж. – уничижительное
уп. – упомянутое (сочинение, произведение)
употр. – употребляется, употребление
устар. – устаревшее
устар.-проп. – устаревшее пропагандистское

фам. – фамильярное

филос. – философия

фин. (с.) – финский (суоми)

фр. – французский язык

церк. – церковное

церк.-слав. —церковно-славянский язык

ЦИК – центральный исполнительный комитет

цит. – цитируется

ЦК – центральный комитет

ч. – часть

чеш. – чешский язык

ЧК – чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

шутл. – шутливое

шутч. – шуточное

экон. – экономия

юж. – южное

юрид. – юридическое

Яз. рев. эп. – Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). Москва 1928.

caus. – causativum (каузатив)

SS – Schutz-staffeln «охранные отряды» (в гитлеровской Германии); «СС»

Условные обозначения данного словаря

- <производящее слово
- > производное от предшествующего слово (слова)
- * словообразовательные производные от заглавного слова
- Ср.: синонимичные и семантически близко связанные с заглавным слова
- ≈ цитируемые дефиниции словарей, определяющие заглавное слово
- ≈/ дефиниции словарей, определяющие словообразовательно близкое к заглавному слово, в случае отсутствия в них последнего
  - устойчивые единицы с заглавным словом в своем составе
  - «» дословные цитаты источников
  - материалы из словарей, поясняющие определение семантики слова
  - ◇ фразеологический, иллюстрирующий либо комментирующий материал
  - = тождество значения данного слова с определяемым
  - || оттенок лексического значения слова
  - | заметный сдвиг в значении (символическое, образное ит. п. употребление слова)
  - [] краткая этимологическая справка либо вставки, имеющие поясняющий смысл – как в цитируемых источниках, так и авторские
  - ∫ особенности употребления слова (в Толковом словаре русского языка конца XX в.)

Словари-источники

- Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург 2000
- Словарь русского языка в 4-х томах. Гл. ред. А. П. Евгеньева, 2-е изд. Москва 1981—1984
- Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова (т. I – IV). Москва 1935—1940
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I (III). Москва 1998 (2003)
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (т. 1—2). Москва 2000
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. Санкт-Петербург 1998
- Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Гл. ред. Г. Н. Складская, Санкт-Петербург 1998
- Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В двух частях. Изд. 2-е, доп. Москва 1991
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. Москва 2000 (по 2-му изд. 1880—1882 гг.)
- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. Санкт-Петербург 2004
- Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980—1990-х гг.). Москва 2000
- Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). Авторы-составители Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Москва 1992
- Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. Москва 2003
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. Санкт-Петербург 2000
- Никитина Т. Г. Молодежный сленг. Толковый словарь. Москва 2003
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской брани. Матизмы, обсценизмы, эвфемизмы. Санкт-Петербург 2004
- Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. Москва 1999
- Флегон А. За пределами русских словарей. 3-d ed. London (1973)
- Словарь иностранных слов. Гл. ред. Ф. Н. Петров. 9-е изд. Москва 1982
- Словарь современного русского литературного языка. Под ред. В. И. Чернышева. Т. 1—17. Москва-Ленинград 1948—1964
- Большая советская энциклопедия. Гл. ред. С. И. Вавилов – Б. А. Введенский. Т. 1—51. Москва 1949—1958
- Малая советская энциклопедия. Энциклопедический словарь в трех томах. Гл. ред. Б. А. Введенский. Москва 1955
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4: пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд. Москва 1986—1987
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд. (т. I – II) Москва 1999
- Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. (т. I – II) Москва 1959
- Срезневский И. И. Материалы словаря древнерусского языка (т. I – III). Москва 1958
- Латинско-русский словарь. Сост. И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков. Под общ. ред. С. И. Соболевского. Москва 1949

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. Москва 1991
Виноградов В. В. История слов. Москва 1999

Большой англо-русский словарь. Под общ. рук. И. Р. Гальперина, 3-е изд. (т. 1—2)
Москва 1979

Французско-русский словарь. Сост. К. А. Ганшина. 6-е изд. Москва 1971

Немецко-русский, русско-немецкий словарь. Под ред. И. Бёме и В. Байкова. Санкт-Петербург 2000

Скворцова Н. А., Майзель Б. Н. Итальянско-русский словарь. 3-е изд. Москва 1977

Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд. Москва 1999

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Москва 1977

Słownik wyrazów obcych PWN. Oprac. L. Wiśniakowska. Warszawa 2004

Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности

(1)

Изучение всякой функциональной формы национального языка предполагает, по-видимому, началом (и завершением) определение ее специфики, с характеристикой сходств и отличий от того общего, частью которого она является. Язык советской действительности, рассматриваемый в данной статье с точки зрения семантических категорий, сопровождавших оценку в нем человека, может быть интерпретирован как такая форма по отношению к русскому языку.

Не вдаваясь в теоретические подробности и не стремясь его как-то более или менее точно определить – как язык (или только дискурс) политизированный, идеологизированный, тоталитарный, пропагандистский, официальный, партийный, как новояз (*nowomowa*, *newspeak*), квази-, псевдоязык [Seriot 1986], [Weiss 1986], [Głowiński 1990], [Купина 1995], [Земская 2000], не возражая в принципе, но и не принимая для себя никакого из этих определений, попробуем подойти к явлению несколько с иной стороны, точнее, двух разных сторон. Во-первых, как к узуальной форме национального, русского в данном случае, языка, поскольку таковым он в известный период времени был¹, а во-вторых, изнутри его самого, на выбранном для анализа материале постаравшись определить, на основе каких смысловых и оценочных механизмов он действовал. А поскольку идеологизованность, во многом сознательно создаваемая и вводимая, политическая и оценочная ангажированность его единиц [Ермакова 2000], несомненно, являлись определяющим и характеризующим свойством данного языка, определение указанных механизмов может дать представление не только о нем самом, но и о возможном действии всякой идеологически, мировоззренчески и когнитивно заряженной узуальной формы национального языка, к каковым относятся языки политики в любом из своих проявлений.

Подходя к языку советской действительности как к узуальной форме русского языка, следует оговориться в том отношении, что интересовавший нас материал интерпретировался, с одной стороны, как материал языка советского времени в целом, не только в его официально-публицистическом представлении, а с другой, как материал языка, заряженного «советским» в языковых своих формах и речевых проявлениях. Степень и виды такого пронизывающего вхождения советского языка в русский язык, пропитанности его советскостью, различны, неоднозначны и далеко не всегда очевидны в своих результатах и оформлениях. Исследователи, обращая внимание в первую очередь и в основном на броские или уродливые внешние признаки языка советской эпохи [Шарифуллин 1990], [Горбаневский 1992], [Зильберт 1994], не замечают, как правило, скрытого, незаметного действия его особым образом ориентированных парадигм языкового сознания, языковой ментальности, воплощаемых далее в формах и способах порождения и восприятия языка. Не стоит, по-видимому, преувеличивать названное явление, неизбежно себя изживающее вместе с меняющимися общественными условиями [Клемперер 1998], но, не преувеличивая и не демонизируя, имеет смысл выявлять и описывать. Для самых разных причин и целей, но хотя бы уже потому, что произведенный, беспрецедентный в своих социальных последствиях и масштабах, эксперимент, в данном случае над языком, следует объективно представить и осознать.

---

¹ Ср. подобный подход в [Zaslavsky, Fabris 1982]

Советский язык (точнее было бы сказать, советизированный) по отношению к русскому языку соответствующего периода в определенном смысле оказался одновременно надстройкой и базисом, если использовать терминологию того времени. Базисом в силу того, что породил в языке как средство общения, т. е. в узусе, соответствующие, им вводимые, заряженные, единицы, структуры и механизмы, делая это одновременно авторитарно и натурально. Надстройкой – по отношению к материалу национального языка, используя его, обрабатывая и аранжируя в своих видах и целях, формируясь внутри него, с тем, чтобы, входя в него (а может, и не выходя из него), также естественно и натурально, занять в нем место и нишу, врасти в него, угнездиться, заметно и незаметно, в нем.

Заметность не требует сложного поиска, анализа и глубоких подходов. Обнаруживая себя лексемно, она очевидна: *колхоз, октябренок, пионер, комсомолец, дружина, линейка*. Проблема может состоять в различении видов и степени советизированной заряженности единицы, в ряде случаев практически не отличающейся от единицы общеязыковой, точнее отличающейся от нее лишь в контексте и узуально (ср.: книжн., возв., возм. устар. *пламенная любовь, охваченный пламенной страстью, пламенные признания, клятвы* и советское *пламенный борец за мир, пламенный революционер, с пламенным приветом* или *светоч, факел, луч, маяк, костер* как нейтральные в идеологическом отношении общеупотребительные слова языка и *светоч партии, светоч коммунизма, поднять факел социализма, факел революции, светлый луч, наши маяки, маяки соревнования, пионерский костер* как советизмы).

Что же касается незаметности, не обнаруживаемости присутствия, с этим сложнее. Это требует системного рассмотрения, без которого оказывается не точным, поверхностным, приблизительным, а часто и не представимым. Чем отличается, скажем, в оттенках значения и коннотациях, *пламенный* в сочетании с *любовью, страстью, признаниями, клятвами* от *пламенный* в сочетании с *революционер, борец и привет*? Общие характеризующие определения «пылкий», «страстный» и уточнения типа «В советск. время: употреблялось как эпитет коммуниста» [Толковый словарь 1998], встречаемые по словарям, дают представление, но отличия не объясняют. Равно как и не объясняют их используемые в работах характеристики типа политизированное, идеологизированное, советизм, пропагандистское, публицистическое и т. п. При всем оживлении интереса к проблеме советского языка и явления советизма в его отношении к русскому языку, месту, роли и современному положению в нем, необходимо отметить, что с точки зрения смыслового и коннотативно-оценочного анализа собственно языкового материала проблема эта не только не решена, но еще не поставлена. Не поставлена в силу своей, с одной стороны, казалась бы, очевидности для того, кто пишет, и того, к кому это обращено: достаточно привести всем знакомый (пока или все еще) из недавнего прошлого публицистический советский пример, и все станет ясно без объяснений. И не поставлена в силу, с другой стороны, своей неуловимости, не поддающейся скорому объяснению, поскольку проблема подобного определения требует основательного системного и типологического подхода.

Суть такого подхода, как представляется, заключается в первую очередь в том, чтобы выявить парадигматику советизированных семантических и коннотативных признаков и оснований. На этой основе, с одной стороны, возможным будет определение советизированности как свойства и как когнитивной, оценочной и генеративно-перцептивной системы. С другой же, установление отличий в видах и степени соответствующей заряженности у языковых единиц. И то, и другое – определение советизированности как свойства и характеристика вида и степени у единицы – в значительном ряде случаев может оказаться задачей сложной и неоднозначной. Скажем, такие общеупотребительные слова, как *вымпел, награда, премия, значок, поощрение, благодарность, программа, пример, образец* и т. п., бывшие активными и заряженными в языке советской действительности, существуя до него и оставаясь после, чем отличаются в этих двух своих проявлениях – как идеологизированные и как нет? Речевой контекст, фразеологизованность как внешние признаки оформления соответствующих упо-

треблений в данном случае не обязательны, достаточна сама отнесенность к действительности, мысль о ней как советской, до- или постсоветской, и изменяется смысл, коннотация и оценочное сопровождение у слова. Возможно пойти еще дальше. Слова, которые трудно представить себе заряженными, т. е. как советизмы, нейтрально общеупотребительные слова языка, бывшие таковыми также в советское время, могут, и не случайно, восприниматься по-разному в зависимости именно от того, о советской или не о советской действительности идет в связи с ними речь. *Школа, семья, воспитание, собрание, учителя, педагоги, директор, ученики, юноши, девушки, руководитель, деньги, очередь, магазин, касса, работа, завод, деревня, село, улица, площадь, умственный и физический труд, развитие, путь, судьба, звание, крестьянин, рабочий, работник, интеллигент, пенсия, конституция* и т. п., попадая в поле действие советскости, семантизируются и коннотируются совершенно иначе, чем вне его. С другой стороны, возможны слова, появившиеся в советское время и самим этим фактом, казалось бы, долженствующие иметь на себе соответствующий отпечаток, вовсе не обязательно могут его и в дальнейшем иметь, ср.: *зарплата, милиция, электричка, заочник, дипломник, вуз, выпускник, аспирант, стажер, физкультура, подсобка, роддом*.

Процессы, которые переживают слова с изменением общественно-исторической обстановки и определяемые, в частности, как процессы деидеологизации, деактуализации, деполитизации, разрушения прежней смысловой корреляции и установления новой [Ермакова 2000], как процессы трансформации лексической семантики и сочетаемости [Какорина 2000], можно сравнить с различиями тематического и лингвокультурологического характера, концептуально-типологическими в своей основе. На примере советского языка (впрочем, не только советского) это можно представить довольно наглядно. Одно дело *рабочие, школа, семья, образование, наука, пенсия, медицина, деревня, магазины, люди, врачи, учащиеся, рынок, торговля, человек, руководитель, любовь, преданность, патриотизм* и пр. у себя и совсем другое где-то и у кого-то еще, для чего потому и использовались необходимые в этом случае определения *наш, наши, советский, советские, социалистический, подлинный, настоящий, действительный, неподдельный, высокий, с большой буквы, искренний, полный, широкий, прямой, непосредственный* и т. п. Чем отличается, скажем, *советский руководитель* от просто *руководителя, подлинный интерес* от такого же *интереса*, но без уточнения, *пристальное внимание* от *внимания*, которое по смыслу предполагает обращение на объект и тем самым пристальность, *глубокая озабоченность* от *озабоченности* без этого определения? Или, скажем, такое, может, с другой стороны, как *советские магазины, советский рынок, социалистическая торговля, социалистическая любовь, советский патриотизм* или *подлинный патриотизм*? Избыточность либо направленность уточнения имеет смыслом снять нежелательную коннотацию, приписав желательную, поместив значение слова в ряд и систему необходимых для говорящего концептуально-оценочных связей и отношений. Обозначенные отличия можно было бы объяснить по принципу *советский руководитель* – это такой, который обладает такими-то и такими-то свойствами, а *подлинный интерес* – интерес неподдельный, не показной, вызванный внутренним побуждением, направляемый потребностью со стороны лица. Но подобные объяснения, оставаясь в пределах порождающих их идеологем, не показывают и не отражают их концептуального смысла. Что означает *подлинный патриотизм* в данной системе, поскольку в другой он будет чем-то другим, означает ли сочетание *советский врач, советская школа, советские юноши и девушки* нечто большее, чем отношение к определенной стране и ее политической и социальной системе? Видимо, да, но что кроме идеологических и оценочных коннотаций? Смена смысловой корреляции, таким образом, трансформации семантики и сочетаемости обусловлены тем, что стоит за словом и является частью тех отношений, которые связаны, как представляется, с пресуппозициями и модальной рамкой лексического значения [Fillmore 1969], [Арутюнова, Падучева 1985: 31], [Крысин 1989: 146]. Однако все это требует обстоятельного и всестороннего рассмотрения.

Объектом исследования в настоящей работе были названия лиц в языке советской действительности. Те из них, которые можно определять как оценочные. Выбор был обусловлен несколькими причинами. Советский период развития языка, что отмечают как словари, так и многочисленные исследования, сопровождался значительным и постоянным ростом количества наименований лиц [Протченко 1975: 272—273]. Явление, вызванное, по мнению И. Ф. Протченко, воздействием социальных факторов, порождающим спрос на наименования, отличительной чертой которых является разнообразие, предполагающее «обозначение человека по множеству признаков (по отношению отдельной личности к природе и обществу, по политическим убеждениям и идейно-нравственным показателям, а также по трудовому, профессиональному признаку, по внешним качествам, душевным, моральным свойствам и т. д.)» [Протченко 1975: 272]. Социоцентристская природа советской агитационно-массовой пропаганды предполагала необходимость обращения к человеку, с одной стороны, как к объекту воздействующего влияния, с другой, как к предмету необходимой дескрипции и надлежащей оценки. Контроль и распределение как ведущие механизмы провозглашенного в самом начале социалистического строительства в конечном итоге и в первую очередь касались общественного и человеческого ресурса. Новое общество должно было строиться на основе ясного представления о том, кто есть кто, с кем и как предстоит иметь дело и каким, в связи с этим, должно быть совместное, выработанное и оценочное отношение к нему. Категоризация признаков, определяющих отношение к человеку, по этим причинам, в немалой степени должна была связываться с когнитивным ядром формируемого языка, а системы оценки отображать его внутреннее, воздействующее, направленное на личность и общество, существо.

Как и в любом ином случае, советский язык в данной сфере формируется и создается на базе национального языка, заимствуя из него, используя и перерабатывая в своих интересах и целях средства и механизмы, которые характерны, как экспрессивно-оценочные в рассматриваемом отношении, в целом для русского языка. Отсюда отмеченная ранее проблема неоднозначного разграничения в материале общеязыкового и специфического, не имеющих строгих границ и не располагаемых полярно. Наряду с типично советскими, возможно при этом новыми и (ли) собственными, образованиями, существуют, с одной стороны, единицы русского языка, советскому языку не свойственные, для него не типичные и им избегаемые, а с другой, такие, которые, напротив, ему присущи, используются им, в нем встречаются, в большей или меньшей степени активны и свойственны для него, равно как и в большей или меньшей степени прошедшие в нем обработку. Поскольку трудно при первом подходе к материалу возможные виды, формы и степени подобного адаптивного отношения различить (но что желательно было бы сделать в последующем), обратим в настоящем исследовании внимание на две взаимонаправленных стороны. Во-первых, сам языковой материал, пытаясь понять в нем и выявить прямо не обнаруживаемый критерий советскости. А во-вторых, систему, набор семантических категорий оценки, типичных и характерных для отношения к человеку, проявляющего себя в соответствующих единицах советского языка. Руководящим стремлением на этом этапе анализа было, могло быть, не обобщение, а поиск, желание подобрать ключи к не совсем обычному материалу. Не совсем обычному в тех отношениях, о которых уже говорилось: органической связанности при внутренней чуждости общему языку, создаваемости, формируемости из него, на его материале, с одновременным отторжением и отрицанием его и в нем; малоисследованности, почти неизученности, в известном смысле закрытости, при внешней своей очевидности, узнаваемости и общепонятности², уходе в пассив, но каким-то замедленным, обра-

² Пропагандистски навязчивый, унитаристский характер советского языка, вызвав к себе неприятие и отторжение, породил, как обратное действие и реакцию, скорее эмоционально заряженное и обличающее отношение у лингвистов, писавших о нем, чем стремление взвешенного и последовательно системного определения и описания внутреннего его существа. Обращаясь к советскому языку, исследователи отмечают в нем в первую очередь внешние, броские признаки в лексике, фразеологии, словообразовании, а не категориальную продуцирующую природу его существа.

щаемым, с постоянным присутствием, образом³. Потенциальные эти, растянутые во времени, устаревание и уход, с одной стороны, создавая иллюзию избавления, дают ощущение отсутствия необходимости и право не заниматься, не интересоваться себя неизбежно уже изживающим языковым состоянием не слишком приятного прошлого. С другой, не изжитое до конца, не осознанное, оно незаметно присутствует где-то в глубинах его породившего языка и языкового сознания. А с третьей, все-таки уходя, отдаляясь в своем ощущении и во времени, оно все более теряет возможность остаться замеченным и описанным необходимо должным образом, с надлежащей подробностью, основательностью и глубиной. Таковыми отчасти были предпосылки обращения к интересовавшему материалу.

Теперь о нем уже непосредственно. Объектом исследования были слова типа *аллилуйщик, зажимщик, перестраховщик, халтурщик, авральщик, срывщик, фарцовщик, прогульщик, трутень, перебежчик, анекдотчик, антисоветчик, валютчик, попутчик, волокитчик, доносчик, аппаратчик, растратчик, антиобщественник, клеветник, саботажник, единоличник, мешочник, взяточник, отказник, подкулачник, пособник, шабашник, двурушник* и т. п., служившие материалом выявления когнитивной системы оценок поведения, позиции, общественной роли и прочего применительно к человеку. Предполагаемым итогом такого подхода может быть, как уже говорилось, внутренний категориальный критерий советскости в отношении языковой единицы и также категориальные основания концепции человека во внутреннем представлении (т. е. не обязательно осознаваемом, явном и очевидном) советского языка. Проблемы идеологизации, идеологизированности, пропагандистской политизированности, публицистичности официоза, унитарности, однопартийности, деперсонализированной мифологичности, этатизма, социоцентризма советского языка, равно как и прочей его направленности, при подобном подходе, как-то с ним, безусловно, связанные, не играют, однако, определяющего значения. Выводом и результатом должны быть **семантизированные категории порождения и восприятия** вербального выражения, то, что имеет свое непосредственное отношение к когнитивному направлению в лингвистике и изучению языковой картины мира, тех или иных ее сторон и фрагментов, в данном случае не столько национального, сколько советского языка как его узуальной проекции. Окончательным выходом может быть выявление отношения языковой картины национального и советского языка, с определением общего и различного между ними. Однако это задача глубокой и основательной перспективы.

Для начала и ясности представления подразделим интересовавший нас материал на группы, позволяющие представить характер возможных соотношений в нем советски отмеченного и нейтрального. Временной показатель, связанный с периодами активности тех или иных негативно-оценочных советизированных лексем, с различной степенью их идеологической и политической актуализации и с возможным затем вытеснением на периферию или уходом в пассив, на данном этапе анализа во внимание не принимался. Равно как не брался в расчет критерий происхождения – советское новообразование или используемая единица национального языка, с тем чтобы, отвлекаясь от любых дополнительных, хотя бы и важных, критериев, обратиться в самом начале к представлению вероятных различий советскости⁴.

³ В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина определяют это явление как своего рода потенциальный уход в пассив: «Некоторая иллюзия живого функционирования советизмов поддерживается частотностью их бывшего употребления на страницах советской периодической печати, общественно-политической и художественной литературы, еще не утратившей своей актуальности. Поскольку **потенциально вся советская лексика относится к разряду устаревшей** (П. Ч.), но передвижение ее из активного словарного состава в пассивный еще далеко не завершено, разработка принципов использования пометы *устар.*... могла бы оказаться наиболее серьезной из всего комплекса проблем стилистической параметризации материала.» [1998: 8]

⁴ Трудность подобного различения, являющаяся следствием и отражением подвижной неоднозначности анализируемых единиц, требует столь же подвижного и неоднозначного отношения к ним как к представителям выводимых групп, в пределах которых их следовало бы рассматривать как возможные иллюстрации. Группы имеют место и значимы в отношении изучаемого языка, в то время как единицы, им свойственные и для них характерные, могут быть те и другие, в зависимости от приписываемых им значения и коннотации. Поскольку анализируемый материал не описан достаточно ни в том, ни в другом отношении, представления о нем могут быть субъективны.

Первую группу составят слова с очевидной и явной советскостью, почти исключительной и резко направленной, характерные по преимуществу для публицистической речи, с оттенками обличения и острого осуждения: *аллилуйщик, зажимщик, прижимщик, перестраховщик, перегибщик, авральщик, штурмовщик, срывщик, загибщик, лакировщик, перевертень, трутень, перебежчик, анекдотчик, антисоветчик, валютчик, антиобщественник, саботажник, единоличник, мешочник, взяточник, переносчик (слухов), аппаратчик, растратчик, комитетчик, отказник, подкулачник, пособник, церковник, частник, лабазник.*

Вторую группу – слова разговорные, со «вставляемой» советскостью, фигурирующей в них как оттенок коннотативного замещенного дополнения, при этом сила и острота обличения и осуждения имеют в них регулятивный характер, т. е. могут быть более или менее резкими, в зависимости от условий употребления и политического периода: *фарцовщик, прогульщик, халтурщик, порубщик, жалобщик, потаковщик, подтасовщик, анонимщик, погромщик, самогонщик, перекупщик, половинщик, вольничек, поклепщик, подговорщик, притворщик, потворищик, алиментщик, комплиментщик, приживальщик, неплательщик, самовольщик, прихвостень, оборотень, фальшивомонетчик, начетчик, попутчик, волокитчик, бюрократ, потатчик, мошенник, законник, низкопоклонник, склочник, сутяжничек, законник, кляузник, клеветник, наемник, собственник, шкурник, изменник, матерщинник, карманник, рвач, наушник.*

Третью группу – слова с укрытой, неявной советскостью, точнее было бы определить ее термином «смазанной», нередко намеренно двойственной и (ли) затемненной, и таким же характером негативной оценки: *глубинщик, гуталинщик, керосинщик, същик, понукальщик, дурильщик, добытчик, лудильщик, захребетник, наплеivist, локатор, куратор, мирильщик, заводила, подпевала, обирала, вельможка, зверь, вепрь.*

И четвертую группу – слова, своего рода притягиваемые, не советские по своему значению и характеру, но, будучи советизированы, способные приобретать специфический смысловой и коннотативный оттенок: *морильщик, бурильщик, удильщик, пилильщик, строгальщик, заговорщик, разносчик, хозяин, хозяйчик, затейник, нахлебник, кутила, фигурант, прохиндей, живодер, мандарин, чиновник, сановник, барин, миротворец.*

За пределами перечисленных групп, своего рода пятую группу составляют слова, советскому языку не свойственные, не используемые и не коннотируемые в нем, как правило: *бабник, придирищик, наговорщик, субчик, молодчик, господчик, указчик, немчик, турок, фетюк, господинчик, попрыгунчик, дворянчик, купчик, доносчик, висельник, крамольник, кромешиник, богохульщик, подонок, вертопрах, ловелас, фифа, фигура, фря, пустозвон, фанфарон, прощельга, бахвал, мазила.*

Группы находятся в отношениях корреляции (первая со второй, третья с четвертой) и противоположения первых двух двум последующим. Основу коррелятивности составляют признаки отношения к формируемой советской системе. В первой группе слова называют и характеризуют тех, кто является по отношению к ней потенциальным ее деструктором, негативно, нередко намеренно и сознательно, воздействуя на различные внешние или внутренние ее составляющие. Во второй представлены лица, определяемые и характеризующиеся как агенты нежелательного или мешающего нужному направлению образа действия и проявления. Корреляция между первыми и вторыми состоит в характере обращенности проявления – от действующего или носителя признака как объекта оценки на систему-объект (объявляемый строящийся социализм, советский строй) в первой группе и в носителе признака или действующем, в нем самом, по отношению к множеству ему подобных и равных во второй. То есть, тем самым, направленного не прямо к системе и действующего не в ней самой, не внутри ее, а через множество тех, от которых зависит потенциальный успех ее осуществления, реализации. Первая группа, тем самым, предполагает позицию отношения лица к системе как проекции на субъекта ведущего для советской действительности финитного отношения, если под

финитностью понимать категорию направления на систему-цель – объявляемый строящимся социализм и советский строй как объект общественного стремления (*opus finitum*). Вторая группа – позицию отношения лица ко множеству-социуму и внутри него, с проявлением категориального отношения деформации в социальных массивах.

Слова третьей группы определяют и называют лиц «от системы», как ее нежелательные продукты, проводники ее действия и влияния в социальных массивах, подстраивающиеся под нее и к ней приспособляющиеся, в своем поведении, образе действия, отношении к окружению, ближним, среде. Позицию эту и эту направленность можно определить в отношении «от системы к лицу», в категориях продуцирующего формирования (своего рода измененного состояния) искаженной системой структуры субъекта-лица.

Четвертую группу составляют слова, определяющие и характеризующие лиц, подстраивающих, приспособляющих свое поведение, образ действия и отношение, но не к системе, а к социальному множеству. Отсюда их не прямое, а только притягиваемое в советский язык положение. Это слова с позицией «от социума, множества к субъекту-лицу» и нейтрализованное, безразличное в своем семантическом представлении, отношение к категориям советского языка. Так, если первую группу составляют деструкторы по отношению к финитной системе, вторую – деформаторы ее социальной базы и почвы-массива, третью – продукты ее «искаженного» социального и психологического воздействия как состояния, то четвертую – стоящие вне ее, как таковым образом ей не свойственные, но и не чуждые в целом, не отрицаемые ею (последнее как определяющий признак можно было бы отнести к группе пятой).

Дополнительным категориальным признаком, дифференцированным по четырем представленным группам, можно ввести показатель активности или пассивности, с уточнением к потенциальности того и другого. Активность или пассивность субъекта-лица в своем характеризуемом как негативное отношении-состоянии зависит во многом от выделяемой направленности. Деструкторы первой группы, с направленностью своего проявления к финитной системе, представляют потенциально активное состояние в отношении к ней. Не в отношении, что важно, характерного действия (действий), их типа и вида, а в предполагаемо-достигаемом результате, направленном на систему-объект.

Возьмем для примера несколько слов первой группы. *Аллилуйщик* характеризуется по словарям [Большой толковый 2000], [Мокиенко, Никитина 1998] как «тот, кто чрезмерно восхваляет кого-л., что-л.». Интересующий нас категориальный семантический показатель потенциальной активности заключен не в признаках «чрезмерно» и «восхвалять», предполагающих интенсивность и, может быть, необоснованность определяемого действия-проявления, характеризующего лицо, а в том, что в приведенном определении не названо, но что будет иметь отношение к предмету данного рассмотрения. Любой ли объект, характеризуемый в дефиниции как кто-л., что-л., может быть предметом такого предполагаемого восхваления? Поскольку речь идет о слове советского языка, типичный выбор такого объекта исходно окажется ограничен. Это или система, советский строй в различных ее составляющих или то, что прямо и непосредственно, а может быть и косвенно, связано с ней – представители власти, деятели советской культуры, искусства, их произведения, строители социализма и пр. *Аллилуйщик* и *аллилуйщина* обусловлены в употреблении тем, что связывается в советском языковом представлении с тем, что подходит под определение *наши успехи и достижения*, тем, чем *может гордиться страна*. *Наши*, при этом, равно как и слово *страна*, следует воспринимать как *советские*. Невозможно себе представить, чтобы льстецов, готовых к чрезмерному восхвалению, скажем, российского императора, его вельмож и министров, равно как и царский режим, или какого-нибудь зарубежного политического деятеля, диктатора, владыку, руководителя, лидера и их системы, со свойственной разбираемому слову иронией и осуждением и в рамках того же советского языка, могли бы назвать *аллилуйщиками*, а их действия *аллилуйщиной*. Объект восхваления должен быть, тем самым, определен как такой, который свя-

зан с советской системой как **opus finitum**, т. е. как достигаемая советским обществом в его стремлении и развитии цель. *Аллилуйщик* по отношению к этой видимой цели общественного движения оценивается и преподносится как агент, а *аллилуйщина* как явление, разрушительные и потенциально активные в предполагаемом своем результате. Потенциально – поскольку заложенные в результате не прямо, не в разрушении состоит направленность данного вида деятельности. Активные – поскольку результатом предполагается не строительство, не развитие и создание советской системы, а ее остановка, стагнация и торможение, т. е. то, что обратно созданию, а тем самым, как результат, перерождение и разрушение в своих закладываемых, предполагаемых основах.

Аналогичным образом такие слова, как *зажимщик*, *прижимщик* «тот, кто препятствует свободному проявлению чего-л.» [Большой толковый 2000], «мешающий, препятствующий чему-л.» [Мокиенко, Никитина 1998] – *зажимщик критики, хлеба*; *перестраховщик*, «проявляющий чрезмерную осторожность, ограждающий себя от принятия ответственных решений» [Мокиенко, Никитина 1998], *перегибщик*, «допускающий перегибы (нарушения правильной линии, вредная крайность в какой-л. деятельности)», *авралыщик*, *штурмовщик*, «выполняющие работу наспех по причине отсутствия планомерности и организованности в деле социалистического строительства», что неизбежно влияет на ее качество и результат и потому оценивается как деятельность потенциально вредная и разрушительная, равно как и другие слова этой группы, следует понимать и интерпретировать в отношении действий к советской системе, имеющих непрямым результатом (потенциальность) нарушение принципов ее объявляемого функционирования, в конечном итоге ее искажение и разрушение (активность).

Слова второй группы следовало бы определить в отношении дополнительного категориального признака как характеризующиеся пассивностью и потенциальностью, следующих из их направленности в семантике не к финитной системе, а к социальному множеству. *Фарцовщик* «тот, кто занимается фарцой, т. е. незаконной продажей антиквариата и импорта, прежде всего одежды», *прогульщик*, *халтурщик*, *порубщик*, *жалобщик*, *потаковщик* и др. тем отличаются от слов первой группы, что, представляя собой нарушения, деформацию в области устанавливаемых общественных отношений, не напрямую, а через эту сферу, тем самым, пассивно, а не направленно, влияют на достигаемую цель советского общественного стремления. Потенциальность как признак связывается, как и в словах предыдущей группы, с отсутствием прямой и открытой направленности к деформации общественных отношений у называемых и характеризуемых соответствующим образом лиц. Соотношение дополнительных категориальных признаков у слов этой группы, в отличие от слов предыдущей, имеет поэтому соположенный, а не взаимно включенный характер, поскольку пассивность относится к опосредованно-неактивному действию на систему, а потенциальность – на предполагаемый результат. В то время как в первой группе потенциально активными полагаются действия в результате, имея, тем самым, направленность на общий актант.

Третью группу, представленную словами, называющими лиц, характеризующихся как продукты системы, отмечает признак активности, связанный с их воздействием на другое лицо, других лиц, окружение в целом. Система, намеренно и ненамеренно, воспроизводит таких, как *глубинщик* «сотрудник КГБ (копающий на глубину, в том числе в чужих секретах, жизнях и душах)», *гуталинщик* «Сталин (черный душой и телом, сын сапожника, всеобщий чистильщик)»,⁵ *керосинщик* «подстрекатель и провокатор (как „поджигатель“, подливающий масло в огонь)»⁶, *сыщик* «тот, кто вынюхивает, доискивается, интересуется чужими секретами,

⁵ В том числе, возможно, как сын сапожника и всеобщий чистильщик. Ср. у Ж. Росси: «Примеч.: маленького роста, чёрный и рябой, говоривший по-русски с сильным кавказским акцентом, Сталин напоминал тех кавказцев-ассирийцев, уличных чистильщиков сапог, которые пользовались гуталином». [1987, 1: 95]

⁶ У Росси: «тот, кто подливает масло в огонь» [1987, 1: 154], «подстрекать, провоцировать, подливать масло в огонь; ср.

вещами и обстоятельствами, ищейка, сексот», *понукальщик* «тот, кто понукает, подгоняет к работе», *дурильщик* «тот, кто обманывает, водит за нос, отлынивает, прикидывается не тем, кем есть», *локатор* «тот, кто подслушивает, возможно, с намерением доносить», *добытчик*, *захребетник*, *наплеви́ст* и т. п. Испытываемое от них негативно оцениваемое воздействие воспринимается как активное, являясь сознательным и направленным, а не косвенным, случайным и опосредованным с их стороны.

Четвертая группа характеризуется изначальной противоречивой двойственностью, активной пассивностью со стороны лица. Активность связана с характером, отчасти осознаваемой, осуществляемых им действий и проявлений, пассивность – с их ненаправленностью, проявлением не нацеленным, а как таковым. *Морильщик* «тот, кто долгим и нудным повествованием о чем-нибудь, однообразием и монотонностью способен уморить, занудить», *бурильщик* «тот, кто забуливается, т. е., увлекаясь, теряет способность оценивать ситуацию, реакцию окружающих на себя», *удильщик* «тот, кто вольно или невольно кого-то на чем-то пытается подловить, выжидает, следит», *пилильщик* «тот, кто изводит, донимает других моралью, попреками, занудствует», *хозяин* «тот, кто держится высокомерно, пренебрежительно, властно, не считаясь с мнениями, желаниями, обстоятельствами других», *затейник* «тот, кто выдумками, обманом, хитростью пытается выгадать себе что-нибудь за счет других; плут, мудрила, хитрец», *нахлебник* «тот, кто живет за чужой счет» и т. п. являются таковыми по добровольному выбору и характеру, стали такими под действием окружения, воспитания (социального множества), выработав это в себе как линию поведения, – активно со своей стороны, но не активно и не направленно в отношении своего окружения.

Отношения, связывающие выделенные четыре группы негативно оценочных слов⁷, определенные ранее как отношения корреляций и противопоставлений, можно представить следующим образом:

Различия в выборе, степени и предпочтении советизированной оценочности, отражающие себя в неравном и дифференцированном отношении к лексике общенародного языка, дают возможность говорить о регулятивной определенности искомым оценочных оснований. Если первую группу составляют слова, характеризующиеся значительной степенью подобного предпочтения, должны быть в них какие-то свойства и признаки, его обуславливающие. Будучи выявлены, они могут дать представление о направленности оценочных оснований. Замещенный, «вставляемый» характер советской оценочности, характерный для разговорной лексики общенародного языка второй группы, способен дать свое представление об этой оценочности, пополнив его соответствующим образом. Неявность, укрытость и двойственность третьей группы могут позволить определить те свойства и признаки, которые предполагают подобное отношение в системах советской негативной оценочности. Аналогичным образом лексика группы четвертой может дать повод для рассмотрения действия советизированного «притяжения», проявляющего себя в узуальном контексте, типичных конструкциях, употреблении и сочетаниях. И группа пятая, наконец, по принципу от противного, может дать материал для исследования того, что в лексике и языке не использовалось, оказалось недействительно и неприменимо в парадигматике советизированной негативной оценки.

Открытость соотношений, равно как и открытость оценочной лексики, в том числе характерной для советского языка, предполагает возможность перемещений. Представленные соотношения следует интерпретировать как такие, которые определяют концептуальные основания использования языкового материала, а не конкретно входящие в него и его определяющие

керосинщик». [1987, 2: 291]

⁷ Группы связываются также по-разному взаимодействующими в них и общими категориями, такими, как финитность, массив, субъект, деформация, продукт (из названных), но эти отношения и связи в своем классифицирующем представлении намного сложнее.

лексемы и семантемы. Сами слова, т. е. рассматриваемая в ее отнесенности к языку советской действительности лексика негативной оценки, могут быть определены в известном соположении ядра и периферии – того, что почти бесспорно и очевидно относится к советизированной, в своем составе, оценочности, и того, что в разных, все более удаляющихся от очевидной бесспорности, степенях и пропорциях может ее содержать. При этом степень эта и эти пропорции переменчивы и могут зависеть от разных причин – узуальных, контекстных и темпоральных. Слова по-разному, случается, что и индивидуально, переживают свои отношения с приписываемой им советской оценочностью. Покажем это на примере слов с общим суффиксом *-ун*, постаравшись попутно также определить оценочную нагрузку и смысловую функцию данного суффикса в интересующем нас материале.

Из возможного перечня слов с указанным суффиксом типа *игрун, лизун, хохотун, хлопотун, пачкун, ворчун, молчун, потаскун, бормотун, выюн, баюн* и т. п. советизированными можно считать *несун, летун, писун, крикун, топтун / топотун, шептун, говорун, болтун, хрипун, пачкун, попрыгун, плясун*. Количество слов с суффиксом *-ун (-юн)*, обозначающих человека, согласно «Грамматическому словарю русского языка» [Зализняк 1977] выводится около ста. Соотношение лексем советских и общеупотребительных, таким образом, на примере выбранной группы можно было бы определить приблизительно как один к десяти, т. е. нельзя сказать, чтобы слишком значительное. Необходимо учесть при этом и то, что выбранные как советские лексемы, прежде всего, оценочны и по-разному, в разной степени могут быть в этом своем отношении определены. Сам суффикс *-ун (-юн)* в отглагольных образованиях, поскольку таковые будут интересовать нас в связи с анализируемым материалом, характеризуется как продуктивный и разговорный⁸ [Русская грамматика, I: 146]. Образований, не отмечаемых словарями, тем самым, может быть намного больше (разговорная речь, просторечие, сленг, жаргоны). Тип представляет открытый, незамкнутый ряд, в его составе возможны потенциализмы. Обозначает суффикс предмет (одушевленный или неодушевленный), производящий действие, названное мотивирующим словом, часто с оттенком «склонный к действию» [Русская грамматика, I: 146].

Преобладают слова со значением лица. В этой группе, наряду с такими, как, скажем, *бегун, прыгун, опекун, колдун*, в основном не окрашенными, довольно значительное число составляют оценочно-экспрессивные слова типа *потаскун, харкун, фыркун, храпун, едун, шатун, брехун, шаркун, пискун, хапун, скрипун* и т. п. При этом вид и степень такой негативной в целом оценки могут быть разными, а характер ее зависит в первую очередь от мотивирующего глагола. Одно дело исходно нейтральные *бегать, прыгать, опекать, колдовать* и другое – *(но) таскаться, харкать, брехать, хапать, шататься, шаркать, жрать*. Хотя подобное равновесие может не соблюдаться, ср.: нейтр. *есть, стряпать* и насмешл.-пренебр. *едун* «тот, кто много ест», *стряпун* «тот, кто плохо готовит, негодный повар» или *ездить* и неодобр. *ездун*. Расхождения в окраске могут зависеть также от различий в семантике: *хрипеть* нейтр. «издавать хриплые, сиплые, нечистые звуки» и разг., часто неодобр. «говорить, петь хриплым, нечистым, сдавленно неприятным, раздражающим голосом» > *хрипун* неодобр. «тот, кто говорит, поет таким образом», *ревун* нейтр. «обезьяна» и неприязн. «человек, ребенок, который много и часто ревет, кричит», *грызун* нейтр. «животное» и неприязн. «человек, ребенок, грызущий, не могущий удержаться от того, чтобы не грызть, любящий это делать», *шатун* разг.-нейтр. «медведь» и разг.-неодобр. «тот, кто любит шататься, бродяга», неодобр.-осужд. «бездельник, гуляка», неприязн.-осужд. «редко ночующий дома, часто меняющий женщин, потаскун», *выюн* нейтр. «рыба», «растение» и разг., шутил.-ирон. «юркий, вертлявый, непоседливый человек»,

⁸ Более подробную словообразовательную характеристику суффикса дает Т. Ф. Евфремова, выделяя следующие значения: «1) лицо по привычному действию или склонности к действию, названному мотивирующим глаголом, как: *бегун, лгун, молчун, плясун, хохотун, шептун*; 2) лицо – носитель признака, названного мотивирующим именем существительным или прилагательным: *горбун, горюн, толстун*.» [1996: 476]

неприятн. «ловкий проныра», неприятн.-осужд. «подхалим, угодник, подлиза, приспособленец», насмешл.-неприятн. «назойливый ухажер», неодобр. «потаскун, любитель женщин».

Определяемое по «Русской грамматике» словообразовательное значение «производящий действие», с выделенным оттенком «склонный к действию», может быть интерпретировано в отношении «носитель характеризующего признака, выступающего как его отличительная черта». На этом строится характерная для данного суффикса оценочность: производимое действие, склонность к данному рода действию как постоянному проявлению-признаку, становясь характеризующей для своего производителя особенностью, отличительной его чертой, воспринимаются как избыточные или неправильные, вытесняющие в нем представление обо всем остальном. Оценочность эта может поэтому проявить себя также для слов, изначально ею не обладающих. *Молчун, певун, шалун, игрун* легко могут стать словами, передающими неприятно раздраженное или насмешливо пренебрежительное отношение к производителю соответствующих действий, обусловливаемое контекстом и ситуацией, но способное, закрепившись, стать постоянным: *И долго ты будешь так молчуном сидеть? Нашла себе какого-то там певуна. Да угомоните вы своего шалуна! Ну, из тебя и игрун!* Действия эти – *молчать, петь, шалить, играть* – в своем обычном, т. е. не характеризующем отношении (как излишние или не так совершаемые), не предполагают насмешки и раздражения, пренебрежения и неприятности. Не то, что, скажем, такие действия, как *храпеть, сопеть, сморкаться, копать, орать, трясти, брыкаться* и пр.

Выявленная особенность становится основанием негативной оценочности у соответствующих советизированных слов, включая в себя, помимо общей оценки, те признаки, которые связывают их с отношением к советской действительности по линии несоответствия ее создаваемому образу, желательно-позитивному представлению о ней. *Говорун* в контексте советского языка – это не просто «тот, кто любит много говорить» [Большой толковый 2000], а тот, кто делает это в ущерб работе, социалистическому труду, кто вредит своим говорением обществу, делу социализма, советской стране, говорит не то, что следует, не тем, кому можно, обещает невыполнимое, болтает лишнее. *Крикун*, соответственно, не просто «тот, кто много кричит» и не только «человек, много и попусту говорящий; демагог» (*Митинговые крикуны*) [Большой толковый 2000], а тот, который (что подразумевается, но не формулируется), привлекая к себе своим выступлением внимание масс, говорит не то, что можно и нужно, что одобрено, идеологически правильно, политически выверено, кто идет против намеченной линии и вразрез с тем, что требуется моментом. *Крикун*, тем самым и прежде всего, возмутитель и нарушитель общественного спокойствия, потенциальный вредитель, пособник и проводник враждебной политики и идеологии. *Хрипун*, соответственно, поющий и говорящий хриплым, сдавленно-сиплым, нечистым голосом, проводник не советского образа жизни и отношения, не принимающий, не одобряющий, осуждающий существующую действительность и советский строй (проводник-представитель уголовно-блатного мира и бунтарской культуры Запада).

Советизация, таким образом, состоит в узуальном сужении лексического значения, в наращении соответствующих семантических и коннотативных признаков. Структура семемы начинает включать в себя те признаки и элементы смысла, которые можно интерпретировать как элементы и признаки советской картины мира. Отсюда возможность, а также желательность определения этих признаков. Однако прежде чем постараться представить их в имеющем отношении к разбираемому материалу категориальном виде, имеет смысл обратить внимание на следующие особенности:

1) мотивационное (структурно-словообразовательное и семантическое) отношение советизированных единиц к материалу общенародного языка;

2) выделяемые степени советизированности характеризуемых единиц а) в связи с рассмотренными четырьмя группами, основанными на отношении лица к системе и социальному

множеству или системы и социального множества к называемому словом лицу, б) в связи с другими какими-то признаками;

3) условия и границы советизированного перехода лексемы общенародного языка, механизм ее становления языковой (речевой) единицей советского узуса, пути приобретения ею данного узуального статуса.

Из двенадцати выбранных с суффиксом *-ун* советизированных слов одно (*несун*) можно интерпретировать как новообразование языка советской эпохи; два (*летун*, *топтун* / *топотун*) – как в значительной степени оторвавшиеся, в известном смысле омонимичные и параллельные образования в отношении к общенародным словам; три (*болтун*, *крикун*, *хрипун*) – как развившие на базе общенародных значений отчетливую советизированную семантику, позволяющую их рассматривать как самостоятельные лексические значения советского языка; три следующих (*шептун*, *плясун*, *попрыгун*) – как своего рода словоупотребления, использующие семантику общенародных слов с включением, добавлением к ней скрытых советизированных смысловых, но, в первую очередь, коннотативно оценочных оттенков и компонентов; и, наконец, два остающихся (*пачкун*, *писун*) – как значения-словоупотребления, представляющие собой проявления словесной игры, построенные на обыгрывании и использовании общенародных, во втором случае (*писун*) также омонимичных, значений, совмещающие в связи с этим в себе признаки слов типа *летун*, *топтун* / *топотун* и *шептун*, *плясун*, *попрыгун*.

Несун появляется, видимо, к концу 70 гг. XX века (Русская грамматика 1980 г. отмечает это образование как новое [I: 146]) и обозначает «того, кто совершает мелкие кражи, уносит что-л. оттуда, где работает» [Большой толковый 2000], «который выносит с производства часть производимой продукции, сырья и т. п.». [Мокиенко, Никитина 1998] Слово, образуясь по типу *бегун*, *лгун*, *молчун*, предполагает использование основы настоящего времени в качестве мотивирующей основы (*нес-у – нес-ун*), представляя собой образование регулярное и продуктивное для разговорной речи [Ефремова 1996: 476—477]. Непосредственными предшественниками его в языке советской действительности можно считать три оценочных слова с тем же суффиксом – *болтун* (разглашающий тайну), *летун* (часто меняющий место работы), *попрыгун* (то же, что *летун*, но более с оттенком «не могущий усидеть, удержаться на месте»), с первыми двумя из которых данное слово можно было бы отнести к группе с наиболее ярко проявленной советизированностью. В то время как два последних (*летун*, *попрыгун*) обнаруживают с ним наиболее тесную мотивационную связанность, в наибольшей мере, как представляется, повлияв на возникновение слова *несун*, не в последнюю очередь обусловленное расширением общей для них тематической группы и наличием такой же оценочной характеристики: все три слова имеют отношение к производству и обозначают лиц, приносящих ему своим поведением вред. Объединяют эти три слова еще ряд признаков. Прежде всего, характер действия, связанный с перемещением, пересечением, нарушением устанавливаемых стабильных границ (отношение к локусу, признак места). Действием неодобряемым и самовольным, совершаемым нередко в обход существующих правил и необходимо-желательных норм отношения к труду, объявляемым пропагандой как нравственные⁹. Из чего следует общая для этих трех слов оценочная характеристика. *Летун*, *попрыгун*, *несун* воспринимаются как не слишком значительные, но неприятно-досадные вредители на производстве. Их действиями руководит эгоистическое стремление к собственной выгоде и мелкособственнический интерес. Характеризует пренебрежение к интересам общества (социального множества), непонимание важности и глобальности социалистического строительства и, что из этого следует, своей роли

⁹ Показателен в этом отношении приводимый в качестве иллюстрации к слову пример из «Толкового словаря языка Советских Союз» [Мокиенко, Никитина 1998]: «Пресловутый „несун“, ставший настоящим вором, причиняет **глубокий нравственный урон нашим принципам** (П. Ч.)» (Человек и закон, 1983, №10, 39)

на производстве как единицы данного множества, участвующего в этом строительстве своим объединенным трудом.

Появление слова *несун* обусловлено также негативными ассоциативными представлениями, связанными с глаголом *нести*. Помимо прямого и основного значения «взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать в определенном направлении, доставлять куда-л.» [Большой толковый 2000], проявляющего три признака – прихватывание с собой, перемещение с этим в пространстве и доставку к месту, внутри которых скрыто уже заложена идея присваивания, прибирания к рукам с последующим изменением местоположения в пространстве того, что взято, прихватчено в качестве груза, – помимо этих соотношений и связей, глагол *нести* проявляет также другие, ассоциативно и коннотативно значимые. Немотивированность, допускающая вмешательство неконтролируемых, стихийных, потусторонних сил и отсюда нежелательность и неожиданность возникновения (исчезновения), сопровождаемые недовольством, удивлением, возмущением: *Куда вас несет? Вот принесла нелегкая! Черт его принес! Куда его унесло? Каким ветром занесло? Несет меня лиса за темные леса* (из сказки). Передвижение помимо воли, предполагающее захватывание, увлечение какой-то силой: *Его несло на камни. Ветер нес бумажки, листья, всякий мусор. Река несла своим течением. Море унесло*. Сопровождение, появление, приход как следствие чего-л. далеко не всегда приятного: *Осень несет дожди. Тучи несут дожди. Старость несет болезни. Нанесло тут всякого*. Распространение, передача: *Несло холодом, дымом, гарью, дурными запахами. Несло затхлостью. Из подвала несло гнилью*. Сообщение, передача чего-л. пустого, неразумного: *нести чепуху, вздор, околесищу. Послушай, что ты несешь!* Семантика глагола также связывается с неприятностями, потерями, тяжелыми обязанностями, трудностями: *нести потери, урон, ущерб, свой крест, обязанности, службу, нагрузку, нести на себе весь дом*.

Негативная оценочная коннотативность, таким образом, поддерживаются семантически, следуя из трех просматриваемых признаков: 1) потенциальная тяжесть (груза, того, что несут), 2) спонтанность немотивированной субъектности перемещения с ним (прихватывание с собой), 3) не всегда желательное изменение начального местоположения объекта с позиции и во мнении говорящего, наиболее ярко затем проявляющаяся в *унести*, образованном от *нести* и являющимся эвфемистическим синонимом слову *украсть*.

Может быть, более ярко формирующаяся семантика проявила бы себя в форме *унесун*, возможной и в разговорно-сниженной речи даже встречающейся, образуемой по аналогии с *убегун* «тот, кто от кого– или чего-л. убегает», *улетун*, *умотун*, *уведун*, *ускакун*, *увезун*, *убредун*, *украдун*, *уползун*, *улетун*, также разговорных и просторечных. Однако поскольку нормативные образования с данной приставкой суффиксу *-ун* не свойственны (видимо, в силу определения лица «по привычному действию или склонности к действию», предполагающему действие как таковое, не связанное с каким-либо результатом, вносимым приставкой *у-*), *несун* содержит в своей семантике также и это значение с *у-*. *Несун* не только и не столько *несет*, сколько действием этим, несением, *уносит*, *выносит*, что и находит свое отражение в дефинициях: «тот, кто совершает мелкие кражи, *уносит* что-л. оттуда, где работает» [Большой толковый 2000], «который *выносит* с производства часть производимой продукции, сырья и т. п.» (подчеркнуто мною – П. Ч.) [Мокиенко, Никитина 1998].

В интересующем нас слове срабатывают две составляющих из трех – прихватывание, связываемое с присваиванием субъектом-лицом того, что ему не принадлежит (скрытый и подразумеваемый компонент значения), и нежелательное изменение надлежащего местоположения того, что выносится, – за пределы предприятия, с пересечением, нарушением границ стабильного и должного местопребывания его как объекта (явный, открытый компонент). *Нести*, *летать* и *прыгать* в *несун*, *летун* и *попрыгун* передают, тем самым, общую для них идею неконтролируемой и немотивированной спонтанности со стороны субъекта-лица, с нарушением стабильности места – объекта в *нести* и субъекта в *летать* и *прыгать*.

Рассмотренные мотивационные основания советизированной оценочности в слове *несун* позволяют отнести данное слово, наряду с ему близким *летун*, ко второй группе, предполагающей отношение субъекта-лица к социальному множеству. Данное отношение, как следует из рассмотрения, тяготеет к оценочности нравственного характера, в отличие, скажем, от слов первой группы (отношение лица к системе), в которых ведущей становится оценка идеологическая и политическая. Указанная закономерность, однако, не имеет в виду исключительности, поскольку нравственная оценка осуждаемого в отношении общества поведения очень легко перед лицом момента и политической необходимости может стать оценкой высшего уровня, связанной с отношением к системе, угрозой ее стабильности и существования.

Затронутую особенность хорошо демонстрирует слово *болтун*, советизированный облик которого четко связывается с перемещением его семантики по шкале оценочности от невинного в целом в своей основе неумения сдерживаться в своих речевых проявлениях через сплетничество, выбалтывание чужих секретов и тайн, к разглашению важных секретных сведений, в том числе государственного значения, и антисоветской агитационной деятельности. При этом, если первое предполагает реакцией утомление, неприязнь, раздражение, а второе – неодобрение, осуждение, нежелание иметь дело, вступать в какие-либо контакты и связи, стремление избегать, то последнее, третье, закладывает реакцию не индивидуального и не межличностного уровня отношений, поскольку речь идет о вредительстве государственного масштаба. Реакцией в этом случае предполагаются и должны быть негодование, общественное презрение, остракизм, желание немедленного наказания по всей строгости советских законов. Отношение личного неприятия, нежелание сталкиваться и стремление избегать, характерные для первого и второго уровней, на третьем, системном и государственном, в силу значимости потенциально следующего общественного вреда, меняет свою направленность – не самому стараться не сталкиваться и избегать, а изгонять такого из общества, обезвреживать, изолировать и изымать.

В чем конкретно проявляет себя советизированность рассматриваемого лексического значения? Обратимся к словарным определениям. **Болтун** разг. 1. Тот, кто много болтает; пустослов. *Болтун подобен маятнику: и того и другого надо остановить* (К. Прутков). 2. Тот, кто не умеет хранить тайны (обычно о сплетнике). *Ну и б. же ты! Можешь довериться: я не б. Болтать* разг. 1. Вести лёгкий, непринуждённый разговор; много говорить (обычно вздор, пустяки или не то, что следует). *Б. без умолку. Б. весь вечер. Б. о том о сём. Б. чепуху, глупости. Б., весело смеясь, шутя. О том, что видел, не болтай!* (никому не рассказывай). 2. Проводить время в болтовне (2 зн.); много и попусту обещать. *Опять болтают, а решений нет как нет.* 3. Высказывать нелепые суждения, распространять слухи; выдумывать, наговаривать. *Б. разное, всякое про кого-, что-л. Болтают, будто конец света близок. Может, и впрямь инопланетяне? – Болтают...* 4. Бегло говорить на каком-л. иностранном языке. *Б. по-французски, по-немецки.* **Болтовня** разг. 1. Лёгкий, непринуждённый разговор. *Весёлая, оживлённая б. Б. детей. Слушать болтовню подруг.* 2. Бесплодные рассуждения, обсуждения, речи; пустые безответственные обещания; пустословие, говорильня. *Одна б.! Болтовни много, а результатов никаких.* 3. Сплетня, выдумка. *Не было такого, б. всё это.* [Большой толковый 2000]

Оценочность данных определений связывается не в последнюю очередь с самим представлением о говорении, речи как о занятии малозначущем и непродуктивном (ср.: *говорить, а не делать; слово, не дело; говорун, говорильня*). К этому добавляется признак количественной избыточности (*много говорить*), бесплодной пустопорожности (*лёгкий*) раскованности и потому несерьёзности (*непринуждённый*), обычно бессодержательности (*говорить вздор, пустяки*), но часто видимой, поскольку то, что говорится, может стать нежелательным и потенциально опасным (*не то, что следует*). В представлении о *болтать, болтовне* присутствует также признак замещения положительных и производительных действий во времени, вытеснения действий, имеющих результат, псевдозанятости (*проводить время в болтовне, занимать*

чье-то время разговорами, вместо того, чтобы делать); признак замещения не только действий и положительной деятельности, но и действительного положения вещей, т. е. самой действительности, – ложь, обман, лживые обещания, нелепые суждения, слухи, сплетни, выдумки, наговоры. Связываться это может как с ненамеренным и безответственным поведением (по глупости, неопытности, неумению сдерживаться, правильно ориентироваться в обстановке), так и с действиями сознательными, направленными на то, чтобы исказить реальное положение вещей, либо объявляющими, выдающими скрытое и потому намеренно или потенциально причиняющими вред.

Итак, *болтать* – это, прежде всего, не делать и вместо того, чтобы делать, но при этом излишне много и безответственно, нарушая и искажая сложившиеся отношения и настоящее положение вещей. *Болтовня, болтать*, тем самым, воспринимаются как поведение, ненамеренно или намеренно, дестабилизирующее, из чего следует ее потенциальная вредоносность. Слишком много – пустых, замещающих и непродуктивных поэтому действий – искажающих и нарушающих установленный лад – вредоносны. Таков приблизительный путь возникающей на базе данного слова оценочности.

В чем же советский характер рассматриваемого явления, в какой момент появляется соответствующий оценочный признак, следующий как таковой из всего представленного? Можно ли определять его как отделяющийся от общей семантики слова и отделяющийся в ней или ей добавляющий нечто свое от себя? «Толковый словарь языка Совдепии» содержит такое определение: «**Болтун** 1. Тот, кто разглашает тайну, секретные сведения. ... *Болтун* – находка для шпиона. ... 2. Лаг. Лицо, находящееся под следствием или осужденное за „болтовню“ (разглашение государственной тайны) или „контрреволюционную агитацию“. Росси, т. 1, 36.» [Мокиенко, Никитина 1998: 60]

Значение, объясняемое первым, внешне, а также согласно приводимому определению, не отличается от значения, которое в «Большом толковом словаре» [2000] дается вторым. Заметным и явным отличием будет в значении, приводимым как лагерное (т. е. жаргонное и ограниченное). Вывод, напрашивающийся сам собой, заключается в том, что советизированность в данном случае есть не что иное, как употребление общеязыкового значения слова в контексте советского языка, тем более, что такое лексическое использование для него весьма характерно.

Представляет смысл, однако, задуматься над полнотой, точнее «советскостью», приведенного определения. Ничего типично и характерно советского в этом определении нет. Всякий ли «тот, кто разглашает тайну, секретные сведения», должен считаться *болтуном* в советском смысле этого слова? Видимо, не совсем. Важно, какого характера эта тайна, что за секретные сведения им разглашаются и не менее важно, кому, при каких обстоятельствах. *Болтун*, таким образом, в первую очередь, нарушает имеющийся и установленный (гласно или негласно) порядок обмена и передачи той информации, которая, имея статус «секретная» или «служебная», сообщению лицам, не имеющим к этому разрешения или допуска, не подлежит. Можно и стоит заметить, что все это так или иначе имеет связь с разглашением тайны, тем самым, секретного знания, не подлежащих распространению сведений. Советскость рассматриваемого значения, как можно предположить, состоит в его отнесенности не столько к контекстам советского языка, сколько к самой, закрепленной в нем, связанности с картиной советской действительности, которая и определяет, в случае своего вхождения в семантическую структуру лексического значения (либо втягивания ее в себя), вид и степень советскости. Слова-советизмы, или слова советского языка, являются таковыми не в силу только употребления в нем (такое тоже имеет место, но эти словоупотребления советизмами не следует называть), а в силу нагруженности лексического своего значения, включения в его состав концептуальных и экзистенциальных признаков советской картины мира. Отсюда 1) необходимо ясное категориальное представление о ней таковой и 2) те или иные выведенные на этой основе

категориальные признаки должны быть закрепленными компонентами лексического значения соответствующей единицы как единицы не только русского, но и советского языка. Так, к примеру, если *несун*, *летун*, *попрыгун* имели категориально-оценочным семантическим признаком отношение к **месту** (объекта или субъекта-лица), понимающемуся для них как им свойственное, надлежащее, не сменяемое по собственной воли и в связи с этим стабильное, место производственной деятельности (предприятие), то *болтун*, в советском своем значении, связывается с категориальным признаком отношение к **знанию**, интерпретируемому как сведения не к всеобщему распространению, статусные в своем отношении к системе и связанности с ней и потому охраняемые. Степень (уровни) этой статусности могут быть разными – от государственной тайны (болтовня-шпионаж) до высказывания своего отношения к советскому строю и социализму как общему делу (**opus finitum**), что и нашло свое отражение во втором приведенном значении *болтуна*, помеченным как специальное и лагерное (болтовня как враждебная агитация).

Для большей отчетливости затрагиваемых вопросов обратимся к другим словам того же ряда с суффиксом *-ун*. *Летун*, *топтун* / *топотун* были нами определены как слова, в значительной степени оторвавшиеся, в известном смысле омонимичные и параллельные, к общенациональным своим коррелятам. Связано это с тем, что *летун* в первом своем значении («тот, кто летает», также о летчике, || «кто способен быстро передвигаться, мчаться, скакать») представляет образование от *лететь* / *летать* в фиксируемых нормативными словарями значениях («перемещаться по воздуху с помощью крыльев» > «мчаться»), а во втором «тот, кто часто меняет место работы» от *летать* «часто менять место работы, учебы», фиксируемом далеко не во всех словарях¹⁰, т. е. воспринимаемом как не активное, периферийное. Появление интересующего нас значения у слова может быть следующим. *Летать* в отмечаемом словарями последнем своем значении «двигаться, передвигаться легко и быстро, едва касаясь земли, пола и т. п.» || разг. «торопливо бегать, ходить, ездить в разных направлениях в течение длительного времени» [Словарь 1981, I], [Большой толковый 2000] (*летать по городу, летать туда и сюда, летать с места на место*) начинает использоваться в значении «скакать, прыгать с одного места работы на другое» в соответствующих контекстах и словосочетаниях. По аналогии с *прыгун*, *скакун*, *шатун*, *вертун*, *мотун*, *потаскун*, объединяемых смыслом «тот, кто находится в постоянном моторном, неуправляемом движении, не могущий усидеть на месте», образуется *летун* в значении «не могущий долго усидеть на одном рабочем месте, постоянно меняющий работу», сюда же добавляется семантика *летать*, *порхать* с оттенком легкомысленности, несерьезности, нестойкости, отсутствия, неустойчивости, непрочности, безответственности (*всю жизнь порхает, ему бы только порхать, летать за девушками, летать в мечтах, в мыслях*). Значение это у *летун*, с одной стороны, оказывается более употребительным по сравнению с соответствующим значением глагола, заслоняя его собой, так что *летать* в значении «часто менять место работы» можно воспринять как производное от *летун*, вторичное по отношению к нему, а с другой, – как самостоятельное и независимое, параллельное образование к *летун* первого значения («тот, кто летает, летчик; способный быстро передвигаться, мчаться»).

Советизированный характер рассматриваемому значению придает его неслучайная включенность, втянутость в советскую действительность: несерьезное, безответственное отношение к труду, к социалистическому строительству со стороны лица-субъекта. Психологическая внутренняя неустойчивость неустойчивого «я» субъекта, его социальная незрелость, неумение ладить в коллективе, находить общий язык с начальством оборачиваются дестабилизацией на производстве. Происходит включение и, в конечном счете, замещение коннотативных компонентов семантической структуры: *летун*, как разговорное и общеязыковое,

¹⁰ Как пятое и предпоследнее это значение отмечается в словаре Т. Ф. Ефремовой. [2000, 1: 784]

с компонентом «неустойчивый характер, тот, на кого нельзя положиться, ненадежный человек, временщик на производстве», переходя в *летун* советское включает смысл «дестабилизирующий социалистическое производство», заслоняющий и вытесняющий собой указанный первоначальный. Замещение, замещенность одного другим как свойство, будучи отличительной чертой советской пропаганды, находит свое выражение при этом как на уровне семантики и коннотатируемого устройства слова, так и в отношении его употребления и политической нагрузки в языке. *Летун* в своем советском узуальном проявлении замещает приписываемые ему в разговорной речи компоненты коннотативного характера, распространяя и отчасти вытесняя, заслоняя их: «тот, кто, часто меняя место работы» > «наносит вред производству и всему советскому строительству». Аналогичным образом в языке советской пропаганды слова такого рода, как *летун*, *несун* и т. п., замещая действительное положение вещей – порочность системы социалистического производства – используются для объяснения, фактически подмены, причин постоянных неудач. Механизм действия – оформления значения и коннотации слова и его использования в языке политики – оказывается подобным.

Топтун / *топтун* обнаруживает с рассмотренным *летун* то общее, что в советизированном своем значении значительно отходит от *топтун* / *топтун* общезыковых значений, возникая, как представляется, не от него, а от глагола, вытесняя на периферию, заслоняя собой и соответствующее значение глагола, и значение существительного, к которому, со словообразовательной точки зрения, должно рассматриваться как становящееся ему в параллель.

Прежде чем предложить вероятный путь появления интересующего нас значения *топтун* / *топтун* в языке советской действительности, обратимся к словарным определениям:

Топотун тот, кто ходит, топяя ногами (обычно о ребенке) <**Топотать** часто и громко топтать при ходьбе, беге и т. п. [Большой толковый 2000]

Топтун тот, кто топчется в бездействии, нерешительности [Ефремова 2000, 2] <**Топтаться на месте**. **Топтаться** ходить, передвигаться с места на место на небольшом пространстве (обычно без особого дела, надобности, прока или, наоборот, в делах, в хлопотах). [Большой толковый 2000]

[**Топтун** тот, кто топчет]¹¹<**Топтать** 1. Мять, подминать, давить при ходьбе, беге или в порыве злобы, гнева (*Т. посе́вы, яго́ды, муравьи́в, огонь, пламя, костёр*); 2. Разг. Грязнить, пачкать ногами при ходьбе (*Т. кове́р*); 3. Разг. Снашивать при ходьбе (обувь), стаптывать (*Т. ба́шмаки*); 4. Спец. Давить, разминать, мять ногами для какой-л. практической надобности (*Т. глину, кожи, снопы*); 5. Выражать грубое пренебрежение к чему-, кому-л.; унижать, оскорблять, попира́ть (*Т. чей-л. авторитет, чье́-л. достоинство, чье́-л. честное имя*); 6. Разг. Спариваться с самкой (о птицах). *Петух топчет курицу*. [Большой толковый 2000]

Топтун насмешл. презр. жарг. тот, кто тайно следит, наблюдает за кем-л.; соглядатай, сыщик, оперативный работник. <[**Топтаться**] • Ироническая образность человека, который вынужден подолгу топтаться на одном месте, выслеживая, поджидая объект, в любую погоду. [Химик 2004: 611]

Топтун 1. Непоседа, егоза. 2. Тот, кто наблюдает, шпионит, подглядывает (возм. влияние *уг*. «топтун» – охранник, надсмотрщик). [Елистратов 2000: 469]

Топтун сыщик, сексот, детектив. [Квеселевич 2003: 850]

Топтун 5. Угол. Представитель правоохранительных органов, оперативный работник милиции. 6. Крим., мол. Телохранитель, охранник. [Мокиенко, Никитина 2000: 591]

Топтун филер [Росси, 2: 410]

Топтун 3. То же, что Тихарь, 4. Телохранитель. [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 246]

Тихарь 1. Оперативный сотрудник органов МВД, КГБ. 2. Сотрудник милиции в штатском.

¹¹ В квадратных скобках представлены реконструируемые единицы.

3. Внештатный сотрудник органов МВД, КГБ. 4. Доносчик, осведомитель. [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 244]

На основании представленного можно вывести два возможных способа мотивации интересующего нас значения: от глагола *топтаться* «ходить, передвигаться с места на место на небольшом пространстве (обычно без особого дела, надобности, прока или, наоборот, в делах, в хлопотах)» и из уголовно-жаргонно-лагерного *топтун* «тот, кто наблюдает, шпионит», «филер», «оперативный сотрудник», «сотрудник милиции в штатском», «внештатный сотрудник», «охранник, надсмотрщик», «телохранитель». Совмещаемыми мотивирующими составляющими можно считать агентивное отношение субъекта-лица, его проявление к пространству и месту – перемещение (топтанье) без продвижения вперед, без пользы и прока, с одной стороны, и его отношение к лицу-объекту, тому, кто определяет его *топтун*ом, с другой, характеризуемое как топтанье вслед, по следу, рядом, преследование, топтанье около, неотступление ни на шаг. В этой второй составляющей можно увидеть коннотативные отражения всех шести выделяемых в «Большом толковом словаре» [2000] значений глагола *топтать* как воплощение отношения советской системы, через приставленного ею агента, к наблюдаемому и контролируемому объекту-лицу – мять, давить, подминать, подавлять, не без порывов злобы и ненависти, пачкать, грязнить ногами, снашивать, стаптывать, давить, разминать для собственной надобности, унижать, оскорблять, попирать и, совсем уже грубо, иметь. *Топтать* в этом случае означает «перемещаясь на небольшом пространстве, неотступно и около, не имея иного дела, а потому без пользы, подавляя грубо и не особо скрываясь с этим (*топтун*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.